

УДК 339.923; 339.97; 330.5

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: QUO VADIS*?

И. В. ПИЛИПЕНКО,

кандидат географических наук, магистр государственного администрирования (МРА), Директор Института исследований проблем конкурентоспособности, экономической устойчивости и международных финансов, Департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-mail: ivpilipenko@fa.ru; i-pilipenko@yandex.ru

В данной статье рассматривается эволюция развития государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) через анализ основных показателей, характеризующих движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Определены преобладающие тенденции в изменении географической структуры внешней торговли товарами, услугами, входящих и исходящих прямых иностранных инвестиций, а также трудовой миграции. Выделены пять взаимосвязанных узловых проблем ЕАЭС на современном этапе, влияющих на качество и темпы развития интеграционного процесса. Предложены решения ряда проблем, в т.ч. включение предприятий в глобальные цепочки добавленной стоимости, проведение анализа затраты-выгоды по итогам устранения препятствий для движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, возможные модификации институциональной структуры ЕАЭС для ускорения интеграционного процесса и формирования единого рынка пяти стран.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Российская Федерация, свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, сценарии развития, экспорт, импорт, прямые иностранные инвестиции, миграция, промышленная политика, Евразийский банк развития.

Economic policy

THE EURASIAN ECONOMIC UNION: QUO VADIS?

I. V. PILIPENKO,

Candidate of Geographical Sciences (PhD), Master of Public Administration (MPA), Director of the Institute for Competitiveness, Economic Sustainability and International Financial Studies, Department of World Economy and World Finances, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: ivpilipenko@fa.ru; i-pilipenko@yandex.ru

This article considers the evolution of the Eurasian Economic Union (EAEU) member states' development through the analysis of main indicators reflecting the movement of goods, services, capital and labour. We reveal the prevailing tendencies in changes of the geographical structure of external trade in goods and services, foreign direct investment inflows and outflows, as well as labour migration. In the article, we identify five crucial interdependent problems of the EAEU at the current stage of development that affect the quality and speed of the integration process. Then we suggest solutions to resolve some of these problems, inter alia by inserting companies into global value chains; carrying out cost-benefit analysis to let the member states understand the consequences of removal of impediments to the movement of goods, services, capital and labour;

* Quo vadis (лат.) – «куда идешь».

possibly modifying the institutional structure of the EAEU to accelerate the integration process and form the common market of five countries.

Keywords: Eurasian Economic Union, Russian Federation, free movement of goods, services, capital and labour, development scenarios, exports, imports, foreign direct investments, migration, industrial policy, Eurasian Development Bank.

29 мая 2019 г. исполнится пять лет с момента подписания Договора об учреждении Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), вступившего в силу 1 января 2015 г., в связи с чем, можно подвести некоторые итоги развития интеграционного объединения и выявить узловые проблемы Союза на современном этапе.

В октябре 2015 г. Высший Евразийский экономический совет утвердил в качестве приоритетных следующие основные направления развития ЕАЭС.¹ (1) обеспечение макроэкономической устойчивости; (2) создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности; (3) инновационное развитие и модернизация экономики; (4) обеспечение доступности финансовых ресурсов и формирование эффективного финансового рынка Союза; (5) инфраструктурное развитие и реализация транзитного потенциала; (6) развитие кадрового потенциала; (7) ресурсосбережение и повышение энергоэффективности; (8) региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество); (9) развитие внешнеторгового потенциала. Основными механизмами реализации указанных направлений являлись: (1) обеспечение реализации принципа «четырёх свобод» – свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы через устранение имеющихся ограничений и (2) проведение скоординированной политики в сферах экономики с интеграционным потенциалом.

При этом в качестве возможных сценариев развития интеграционных процессов в рамках Союза в документе было указано три:²

1) сценарий «Собственный центр силы» в мировом хозяйстве с производством конкурентоспособной на мировых рынках продукции, привлекательной средой для инноваций, инвестиций и высококвалифицированных кадров;

2) сценарий «Транзитно-сырьевой мост» для максимального использования своей сырьевой базы и выгодного экономико-географического положения между Европейским союзом (ЕС) и быстро развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом;

3) сценарий «Продленный статус-кво», при котором государства-члены ЕАЭС продолжают развиваться в основном на основе собственных источников роста, а достижение интеграционных эффектов откладывается на период после 2025 г., когда завершается выполнение всех переходных положений, зафиксированных в Договоре о ЕАЭС.

Исходя из оценок интеграционного эффекта (до 13% дополнительного прироста валового внутреннего продукта (ВВП) государств-членов и до 90 млрд долл. дополнительных прямых иностранных инвестиций из третьих стран к 2030 г.) наиболее перспективным был признан сценарий «Собственный центр силы».³

Вместе с тем, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия) к 2017 г. признавала, что, несмотря на имевшиеся успехи в поддержании макроэкономической устойчивости в сложных внешнеполитических условиях и при падении цен на сырьевые товары, «анализ национальных и интеграционных мер, реализованных за период 2010–2016 гг. в соответствии с Основными направлениями экономического развития Союза, свидетельствует о разнонаправленных тенденциях», причем «интенсивность регуляторных мер и государств-членов и органов ЕАЭС зависела от приоритетности того или иного направления в национальной и интеграционной повестке развития», а из трех сценариев развития анализ указывает «на доминирование на текущий момент сценария «Продленный статус-кво»».⁴

¹ Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 г. № 28. 28 с.

² Указ. соч. С. 24–28.

³ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // «Известия», 3 октября 2011 г. URL: <https://iz.ru/news/502761> (дата обращения – 02.11.2018).

⁴ Доклад о ходе реализации Основных направлений экономического развития ЕАЭС по итогам 2015–2016 гг., включая результаты анализа экономического развития интеграционного объединения в 2010–2014 гг. / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2017. С. 5–6, 12.

В начале декабря 2018 г. Высший Евразийский экономический совет в преддверии 25-летия идеи евразийской интеграции и 5-летия Договора о ЕАЭС принял Декларацию о дальнейшем развитии интеграционных процессов, где были выделены следующие основные направления:⁵ (1) обеспечение максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализация его возможностей для бизнеса и потребителей; (2) формирование «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов; (3) раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни; (4) формирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия.

Однако, как констатирует ЕЭК в своем последнем докладе от 18 декабря 2018 г. о реализации основных направлений интеграции в рамках ЕАЭС, «фактические темпы евразийской экономической интеграции ниже, чем изначально предусматривалось», причем «барьеры присутствуют на внутреннем рынке Союза, в том числе потому, что на практике существуют факты неисполнения государствами-членами актов Комиссии», а «выполнение задачи по сокращению изъятий и ограничений, регулярно озвучиваемой главами государств-членов, в настоящее время находится лишь на подготовительном этапе и частично включено в работу по совершенствованию положений Договора о Союзе».⁶

Далее мы рассмотрим эволюцию развития стран, входящих в ЕАЭС, через анализ основных показателей, характеризующих движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также постараемся выявить узловые проблемы, влияющие на интеграционный процесс в рамках ЕАЭС, и предложить некоторые решения, которые могли бы данный процесс ускорить. Для проведения ряда сравнений мы использовали статистические

данные также и для 10 других постсоветских республик, и в таблицах мы сгруппировали вместе пять государств-членов ЕАЭС, три прибалтийские республики-члена Евросоюза (Латвию, Литву и Эстонию), а другие республики быв. СССР – по географическому признаку, выделив Молдавию и Украину, республики Закавказья (помимо члена ЕАЭС Армении – Азербайджан и Грузию) и Средней Азии (помимо Казахстана и Киргизии, входящих в ЕАЭС – Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

Движение товаров – направления внешней торговли товарами государств-членов ЕАЭС с начала 1990-х гг. до 2017 г.

Структура торговли государств, ныне входящих в ЕАЭС, по странам/группам стран-партнерам стала претерпевать изменения сразу же после распада СССР и либерализации внешнеэкономической деятельности.⁷ Если по итогам 1990 г. из всего объема вывоза на экспорт Республики Армения и Киргизской ССР приходилось по 2%, Белорусской и Казахской ССР – по 10%, и только у РСФСР экспортная квота достигала 32%, то уже к 1994 г. доля республик быв. СССР – новых независимых государств (ННГ) в экспорте составляла, соответственно, 65,5%, 66,1%, 62,8%, 59,0%, а также 24,3% у РСФСР при поставках в страны Дальнего зарубежья в 75,7% от экспорта страны. Также снизилась доля ННГ и по импорту – с 83% у Казахской ССР, 78% у Киргизской ССР и Армении, 77% у Белорусской ССР и 49% у РСФСР⁸ до 71,2% у Белоруссии, 66,8% у Киргизии, 58,8% у Казахстана, 52,3% у Армении и 28,4% у Российской Федерации. В целом по пяти странам доля ННГ в экспорте и импорте к 1994 г. равнялась 55,5%, доля СНГ и Грузии – соответственно, 54,2% и 54,6%, доля ЕАЭС – 37,2% и 37,9%, а доля России – 35,9% и 38,1% (рис. 1). При этом квота стран Евросоюза (в современном составе ЕС-28) в среднем по государствам-членам ЕАЭС выросла к 1994 г. до 27,1% по экспорту и 23,0% по импорту, а доля США составила, соответственно, 2,2% и 9,2%.

⁵ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (подписана главами государств-членов ЕАЭС 06.12.2018, г. Москва). 8 с.

⁶ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2018. С. 51–52.

⁷ Havrylyshyn O., Al-Atrash H. Opening up and Geographic Diversification of Trade in Transition Economies. IMF Working Paper No.98/22. International Monetary Fund, Washington, D.C., 1998. 27 p.; Пилипенко И.В. Сравнительный анализ особенностей социально-экономического и институционального развития государств-членов Евразийского экономического союза // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 11. Т.4 (83). С. 43–76.

⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.; Пилипенко И.В. Динамика экономического развития и эволюция основных направлений внешней торговли постсоветских республик // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 12. Т.9(94). С. 12–38.

В последующие годы снижение относительных объемов торговли со странами быв. СССР продолжилось, причем минимум средней доли 15 ННГ и 12 республик (СНГ и Грузия) в экспорте пяти государств пришелся на 2006 г. (29,5% и 27,7%) и 2010 г. (27,7% и 25,8%), а в импорте на 2010 г. (37,7% и 36,9%). Доля стран ЕАЭС и Российской Федерации упала до минимума в 2009 г. по экспорту (17,8% и 17,7%) и в 2010 г. по импорту (29,7% и 32,3%). После образования Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России в 2010 г. и подписания в 2011 г. странами СНГ Договора о Зоне свободной торговли, эта тенденция была переломлена, и доля ННГ с тех пор в целом имеет тенденцию к относительному увели-

чению объемов как в экспорте государств-членов Союза (до в среднем 34,9% и 32,9% в 15 республик и страны СНГ, и Грузию и до 24,5% и 23,3% в ЕАЭС и Россию к 2017 г.), и в их импорте (до соответственно, 41,0%, 40,2%, 35,5% и 38,1%). Тем не менее, по сравнению с 1994 г. доля республик быв. СССР к 2017 г. снизилась в среднем на 20,6%, а доля республик СНГ и Грузии – на 21,2%. Внутри группы государств-членов ЕАЭС доля взаимного экспорта и экспорта в Россию сократилась в меньшей степени – на 12,7% и 12,6%, соответственно. По импорту же снижение составило минус 14,5%, минус 14,4%, минус 2,3%, в то время как доля России осталась на прежнем уровне.

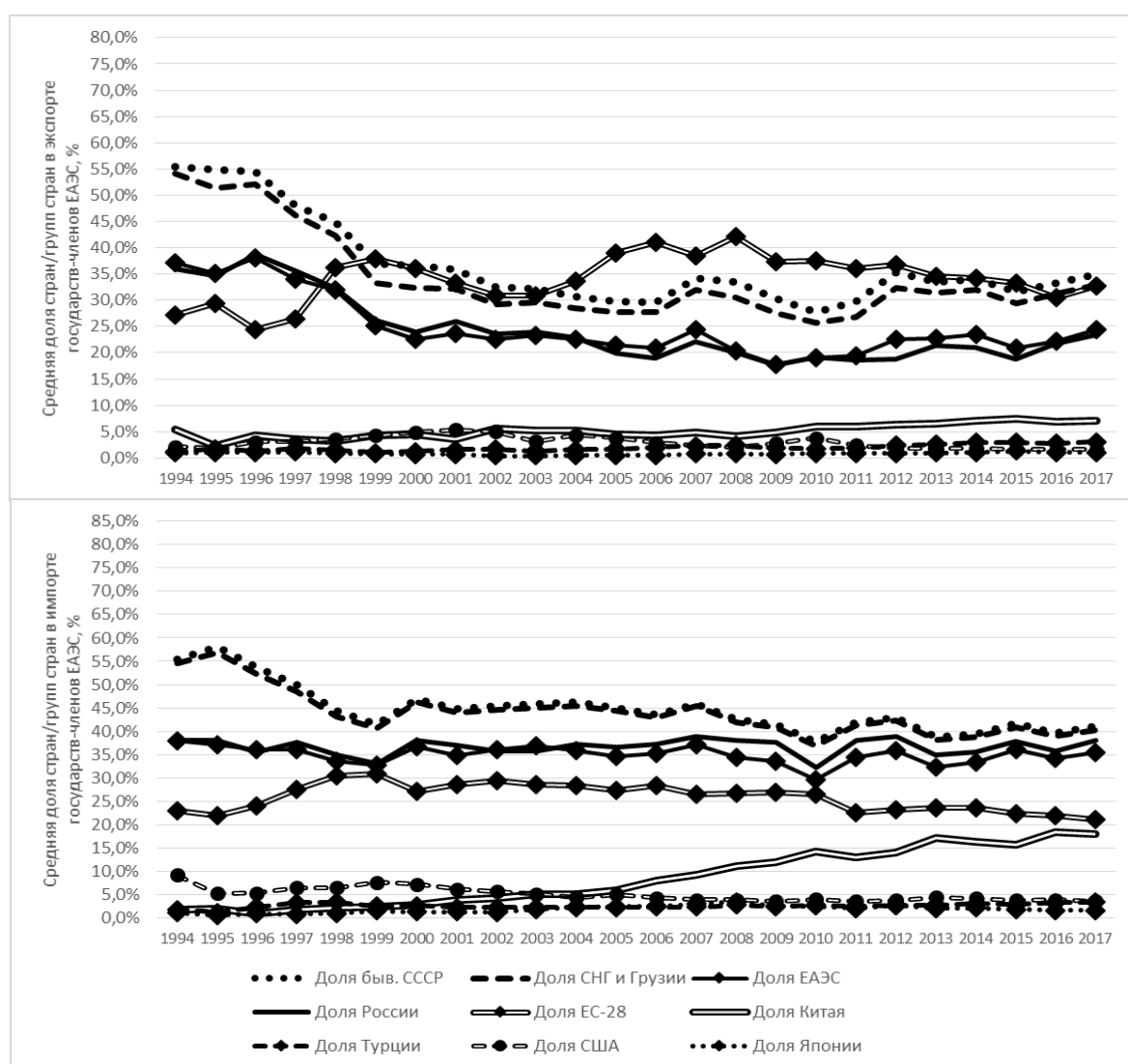

Рис. 1. Средняя доля стран/групп стран в экспорте (верхняя диаграмма) и импорте (нижняя диаграмма) товаров государств-членов ЕАЭС, %, 1994–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: The Direction of Trade Statistics (IMF), the International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

Интенсивность экспортных поставок в страны Евросоюза, наоборот, возрастала, достигнув максимума в 2008 г. (средняя доля в 42,1% в экспорте пяти стран), но с тех пор она снижалась, остановившись на отметке в среднем 32,8% к 2017 г. По импорту наблюдалась схожая тенденция за исключением того, что максимума средняя доля Европейского союза в импорте достигла к 2002 г. (29,4%), а в последние 15 лет имело место постепенное снижение

доли ЕС-28 до уровня в 21,2% к 2017%, что на 1,9% ниже, чем в 1994 г. Доля США за весь рассматриваемый период только сокращалась как по экспорту, так и по импорту (в среднем на 0,6% и 5,6%), в то время как доля Японии, достигнув максимума по экспорту в 2015 г. (1,3%), по импорту – в 2008 г. (3,5%), увеличилась к 2017 г. незначительно (на 0,1% в среднем в экспорте пяти государств-членов ЕАЭС и на 0,5% – в их импорте).

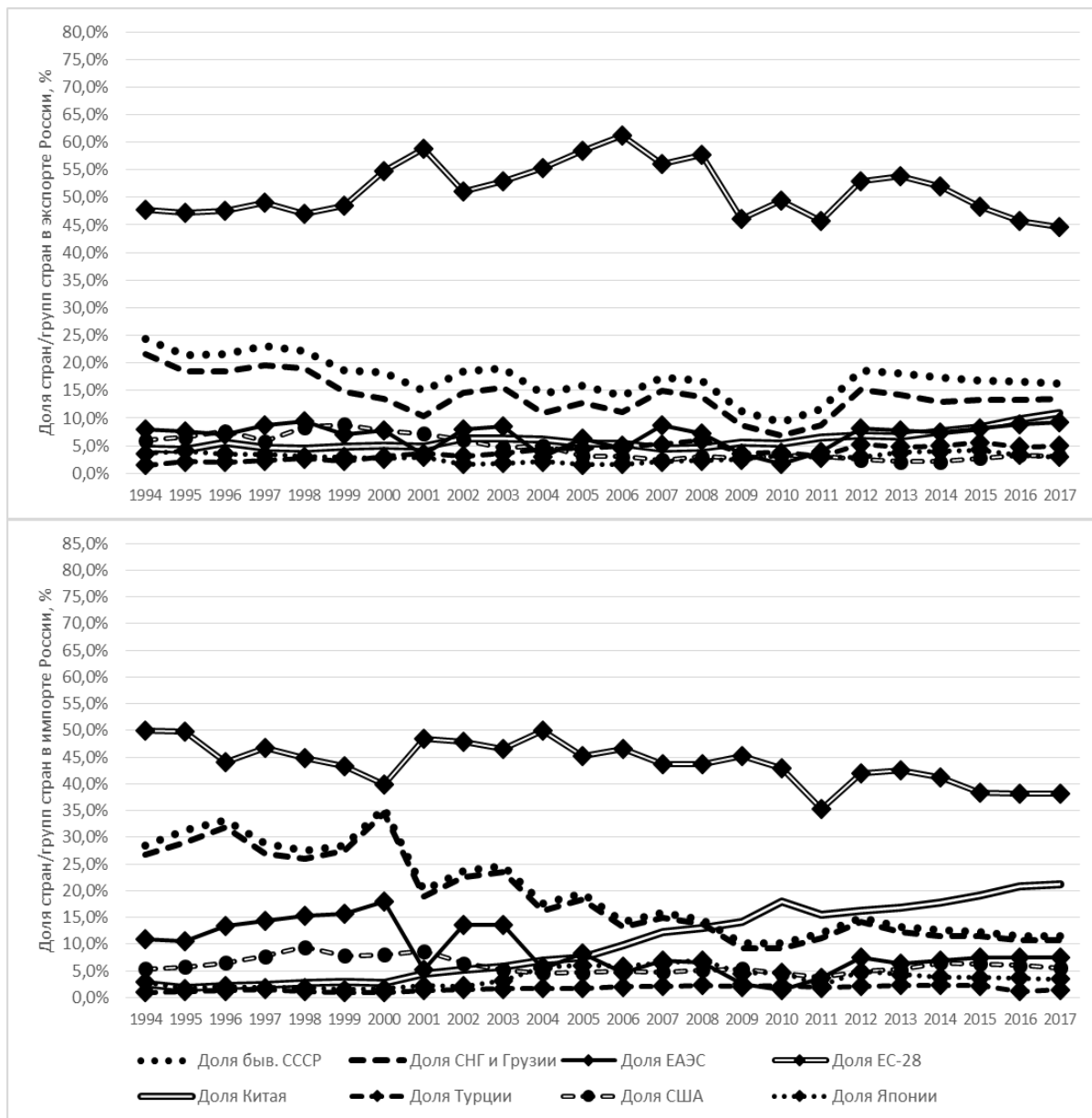

Рис. 2. Доля стран/групп стран в экспорте (верхняя диаграмма) и импорте (нижняя диаграмма) товаров России, %, 1994–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: The Direction of Trade Statistics (IMF), the International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

Весьма интенсивно развивались торговые связи стран, ныне входящих в Союз, с Китаем, причем они носили несбалансированный характер в пользу более значительного увеличения импортных поставок из Китая. Так, средняя доля Китая в экспорте за период 1995–2017 гг. возросла на 5,8%, а доля импорта товаров из Китая увеличилась в среднем за это же время на 16%. Торговый оборот пяти государств-членов ЕАЭС с Турцией также постоянно расширялся, и здесь экспортные поставки росли относительно быстрее, чем импортные – средняя доля Турции в экспорте увеличилась на 2,0%, а в импорте – на 1,6%.

Как видно на рис. 2 на протяжении последних 25 лет Евросоюз являлся основным торговым партнером России – доминирующей экономики в рамках ЕАЭС. Его доля в экспорте доходила до 58,8% в 2001 г. и до 61,2% в 2006 г. К настоящему времени доля стран ЕС-28 в экспорте немного снизилась (до 44,7% в 2017 г), но она по-прежнему в 3,3 раза больше доли, приходящейся на государства СНГ и Грузию (13,5%), и в 4,9 раза превышает долю государств-членов ЕАЭС (9,2%).

По импорту ситуация схожая – максимума доля импортной продукции из ЕС достигла в 1994 и 2004 гг. (50,0% и 49,9%), а к настоящему времени она снизилась до 38,1%, что в т.ч. является результатом более активной промышленной политики, проводимой Правительством Российской Федерации и региональными властями с конца 2000-х гг., по созданию всех необходимых условий для постройки сборочных предприятий иностранных компаний в России.⁹ В то же время доля СНГ и Грузии снизилась за рассматриваемый период времени еще более значительно – на 15,9% до 10,8%, а доля ЕАЭС – на 3,5% до 7,4%, поэтому доля Евросоюза к 2017 г. оказалась больше импортных поставок из 12 республик в 3,5 раза, а из четырех стран-партнеров по ЕАЭС – в 5,1 раза.

Также необходимо отметить значительное увеличение товарооборота с Китаем, который стал импортером российской продукции и экспортером для России номер один (см. приложение 1). При этом если доля Китая в российском экспорте к 2017 г. достигла 10,9% (плюс 6,4% по сравнению с 1994 г.), то доля Китая в импорте возросла на 18,8% – с 2,5% в 1994 г. до

21,2% к 2017 г., а сальдо торгового баланса Российской Федерации с Китаем по итогам 2017 г. составило минус 10,8 млрд долл. Можно ожидать, что введение в эксплуатацию в 2019 г. нового газопровода «Сила Сибири» и начало экспорта природного газа в Китай позволит выровнять торговый баланс. В отличие от Китая товарооборот России с Турцией отличается превалярованием российского экспорта над турецким импортом – при увеличении доли Турции в экспорте за 1994–2017 гг. на 3,4% (с 1,5% до 4,9%) ее доля в импорте выросла только на 0,5% (с 1% до 1,5% при максимуме в 2013–2014 гг. в 2,3%), а сальдо на конец 2017 г. достигло 9,5 млрд долл.

Доля государств-членов ЕАЭС во внешней торговле Российской Федерации товарами снижалась до минимума к 2010 г., составив только 1,7% по экспорту и 1,4% по импорту, но после образования Таможенного союза и подписания странами СНГ Договора о Зоне свободной торговли стала расти и достигла к 2017 г. 9,2% в экспорте и 7,4% в импорте страны. Доля США и Японии в экспорте России сократилась, соответственно, на 2,9% и 0,6%, а в импорте страны наблюдались разнонаправленные тенденции – поставки из США относительно выросли (на 1,0%), а из Японии – остались практически неизменными (минус 0,2%)

Как и у России, географическая структура экспорта Казахстана в течение рассматриваемого периода времени претерпела кардинальные изменения – доля всех ННГ, стран СНГ и Грузии, государств-членов ЕАЭС и Российской Федерации резко снизилась (соответственно, на 40,8%, 41,2%, 37,3% и 35,2%), а доля Евросоюза, импортирующего из Казахстана нефть, резко выросла – с 23,1% в 1994 г. до 50,2% к 2017 г. (рис. 3). Доля Китая также возросла – на 7,3% (с 4,6% до 11,9%), причем ожидается что в ближайшем будущем поставки нефти в КНР могут еще больше возрасти.¹⁰ Вместе с тем, в импорте Казахстана доля ННГ сократилась в течение 1994–2017 гг. ненамного – на 10,9% для всех 15-ти республик (до 47,8% к 2017 г.), на 10,8% для стран СНГ и Грузии (до 47,1%), на 3,0% для государств-членов ЕАЭС (до 41,5%) и всего на 0,5% для России

⁹ Пилипенко И. В. Сравнительный анализ особенностей социально-экономического и институционального развития государств-членов Евразийского экономического союза // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 11. Т. 4 (83). С. 43–76.

¹⁰ Покидаев Д. «Один путь» казахстанской нефти – в Китай // «Курсив» (Kursiv.kz), республиканский деловой еженедельник, 14.09.2018. – URL: <https://kursiv.kz/news/otraslyevye-temy/2018-09/odin-put-kazakhstanskoy-nefti-v-kitay> (дата обращения - 04.12.2018).

(до 38,9% по итогам 2017 г.), причем после образования ЕАЭС все четыре показателя имеют устойчивую тенденцию к повышению. Доля Евросоюза в импорте страны оставалась на достаточно стабильном уровне – 24% в среднем за рассматриваемый период. Доля же Китая выросла весьма значительно – с 2,1% в 1994 г. до 16,1% к 2017 г., однако пока сальдо торгового баланса с

Китаем у Казахстана – положительное (плюс 1 млрд долл.) Также можно отметить увеличение на 1,0% доли Японии в экспорте Казахстана и доли США в импорте страны. Таким образом, *товарооборот Казахстана отличается значительным дисбалансом – доминированием стран Евросоюза и Китая в экспортных поставках и России в импорте страны* (см. Приложение 1).

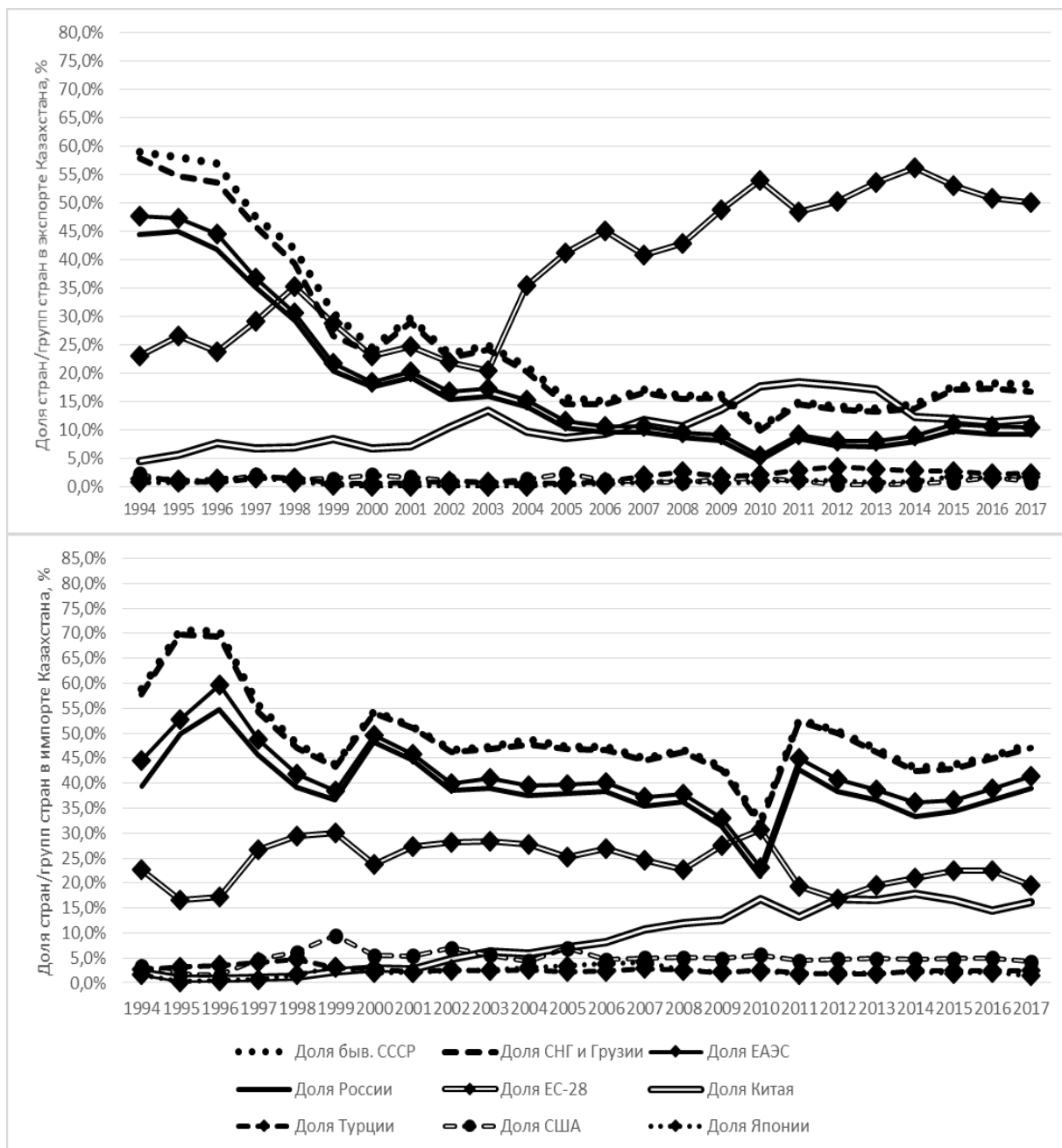

Рис. 3. Доля стран/групп стран в экспорте (верхняя диаграмма) и импорте (нижняя диаграмма) товаров Казахстана, %, 1994–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: The Direction of Trade Statistics (IMF), the International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

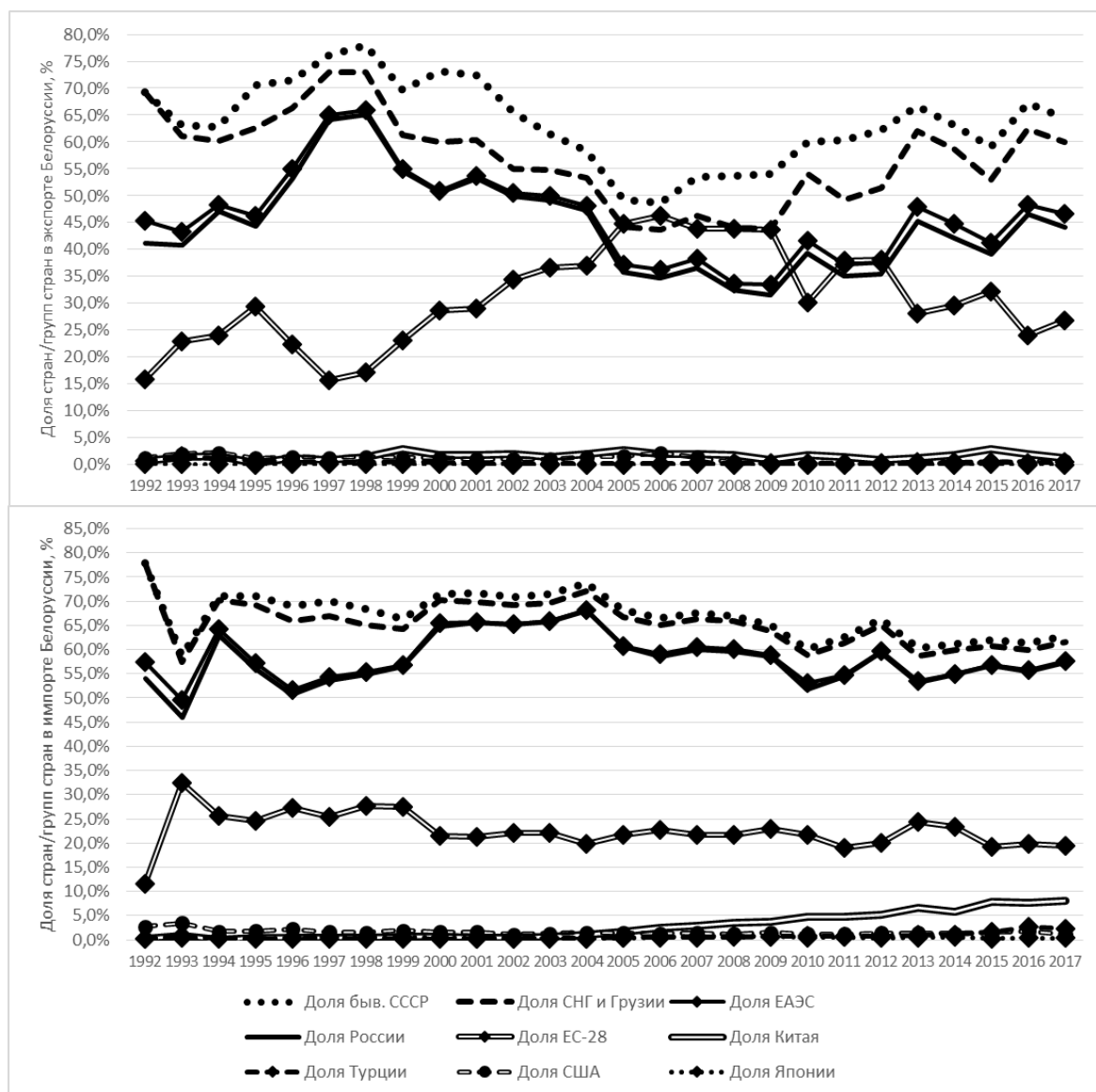

Рис. 4. Доля стран/групп стран в экспорте (верхняя диаграмма) и импорте (нижняя диаграмма) товаров Белоруссии, %, 1994–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: The Direction of Trade Statistics (IMF), the International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

Отличительной особенностью экономики Белоруссии является ее наиболее тесная среди ННГ интеграция с российской экономикой, которая за 1992–2017 гг. только упрочилась. Так, доля Российской Федерации в экспорте повысилась с 41,2% в 1992 до 44,1% в 2017 г., доля государств-членов ЕАЭС выросла с 45,4% до 46,7% (рис. 4 и приложение 1). В то же время экспортные поставки во все ННГ и страны СНГ и Грузии относительно сократились (на 4,7% до 64,5% и на 9,1% до 60,1%, соответственно). Схожая картина наблюдается и по импорту продукции – увеличе-

ние доли России на 3,3% (до 57,2%), сохранение доли стран-ЕАЭС на уровне 57,6% и относительное снижение импортных поставок из 15 республик быв. СССР и стран СНГ и Грузии на 15,1% (до 62,9%) и 16,3% (до 61,6%), соответственно. Товарооборот Белоруссии с Евросоюзом рос быстрее, чем с Россией – на 10,9% по экспорту и на 7,9% по импорту), но к 2017 г. объем экспортных поставок в ЕС все равно в 1,6 раза был меньше экспорта в Россию, а импорт из Евросоюза – в 2,9 раза меньше объема импорта из Российской Федерации. Следует также отметить и

значительное увеличение импортных поставок из Китая и из Турции (соответственно, на 7,8% до 8,0% импорта страны и на 2,2% до 2,4%) при том,

что экспорт в эти страны был достаточно стабилен, составляя в среднем 1,7% и 0,5% от объема национального экспорта.

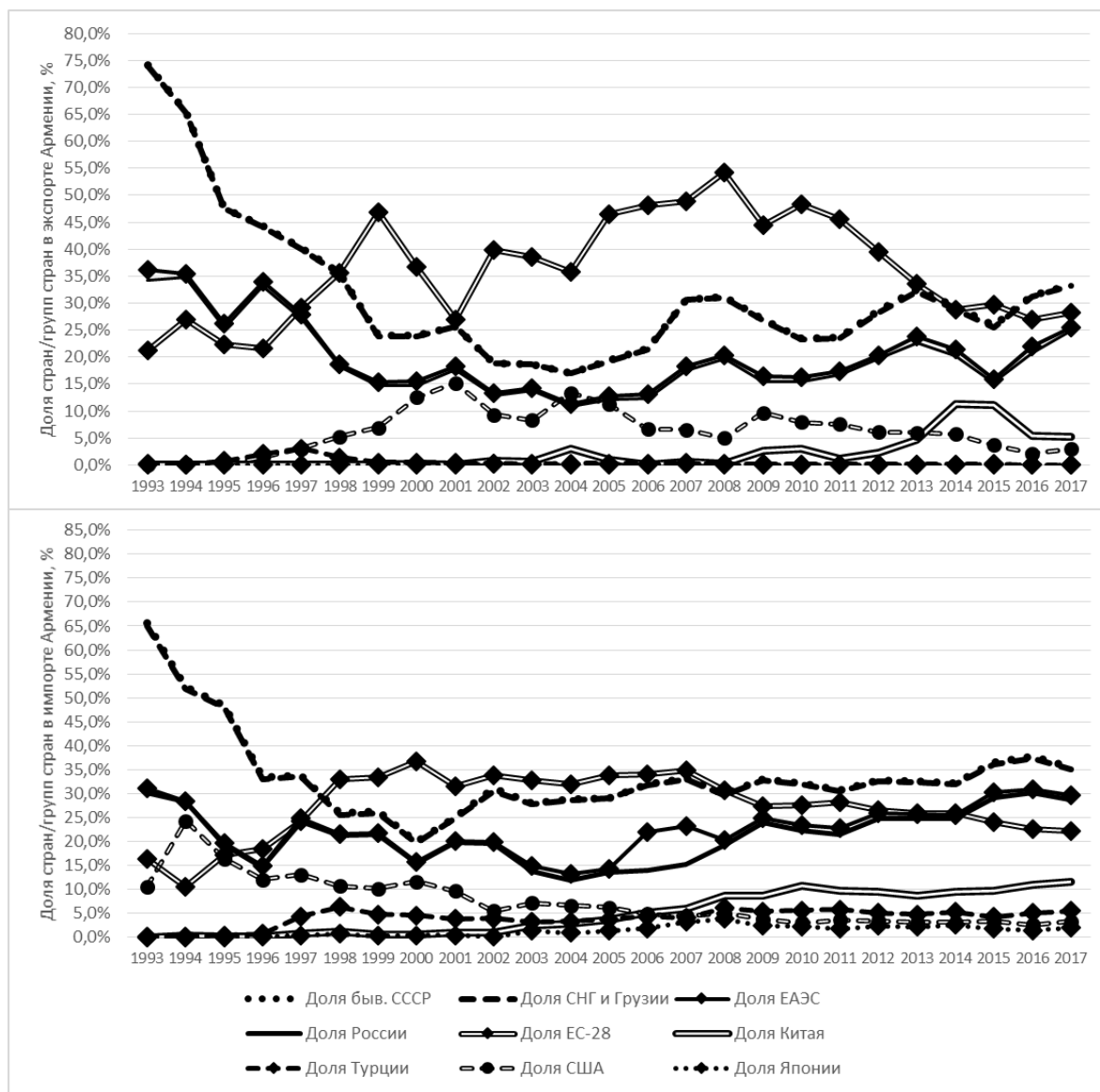

Рис. 5. Доля стран/групп стран в экспорте (верхняя диаграмма) и импорте (нижняя диаграмма) товаров Армении, %, 1994–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: The Direction of Trade Statistics (IMF), the International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

В экономике Армении уже в течение 1990 гг. в значительной степени дезинтегрировалась с другими постсоветскими республиками – доля СНГ и стран СНГ и Грузии снизилась к 2000 г. с 74,1% и 73,9% до, соответственно, 24,0% и 23,8%, а доля государств, ныне входящих в ЕАЭС, и России – с 36,1% и 34,2% до 15,5% и 14,8%. Вместе с тем в последующие годы доля постсоветского пространства в экспорте страны

возрастала, достигнув к 2017 г., соответственно, 33,5%, 33,2% для СНГ и Грузии, 25,5% для ЕАЭС и 24,9% для России. В импорте наблюдалась схожая картина, а общее снижение в течение 1993–2017 гг. составило по 30% для 15-ти и 12-ти (без Прибалтики) республик быв. СССР и по 1,4% и 1,5% для ЕАЭС и Российской Федерации. Торговля со странами Евросоюза достигла своего пика в 2000-х гг., когда его доля в экспорте к 2008 г.

достигла 54,2%, а в импорте – 34,8% в 2007 г. К настоящему времени доля ЕС стабилизировалась на уровне 28% от экспорта страны и 22% импорта Армении. Товарооборот с Китаем рос опережающими темпами – прирост на 7,0% по экспорту и 11,7% по импорту за 1993–2017 гг.; также серьезно вырос объем импортных поставок из Турции, который к 2017 г. достиг 5,4% от всего импорта в этом году, и еще одним крупным

торговым партнером является Иран (3,9% по экспорту и 4,5% по импорту). Доля США в импорте страны, достигавшая 10,4% в 1993 г. и 24,3% в 1994 г., к 2017 г. снизилась до 3%. Таким образом, *торговля Армении товарами достаточно диверсифицирована, при этом Россия осталась крупнейшим торговым партнером, на которую приходится до четверти экспорта страны и до 30% импорта* (приложение 1).

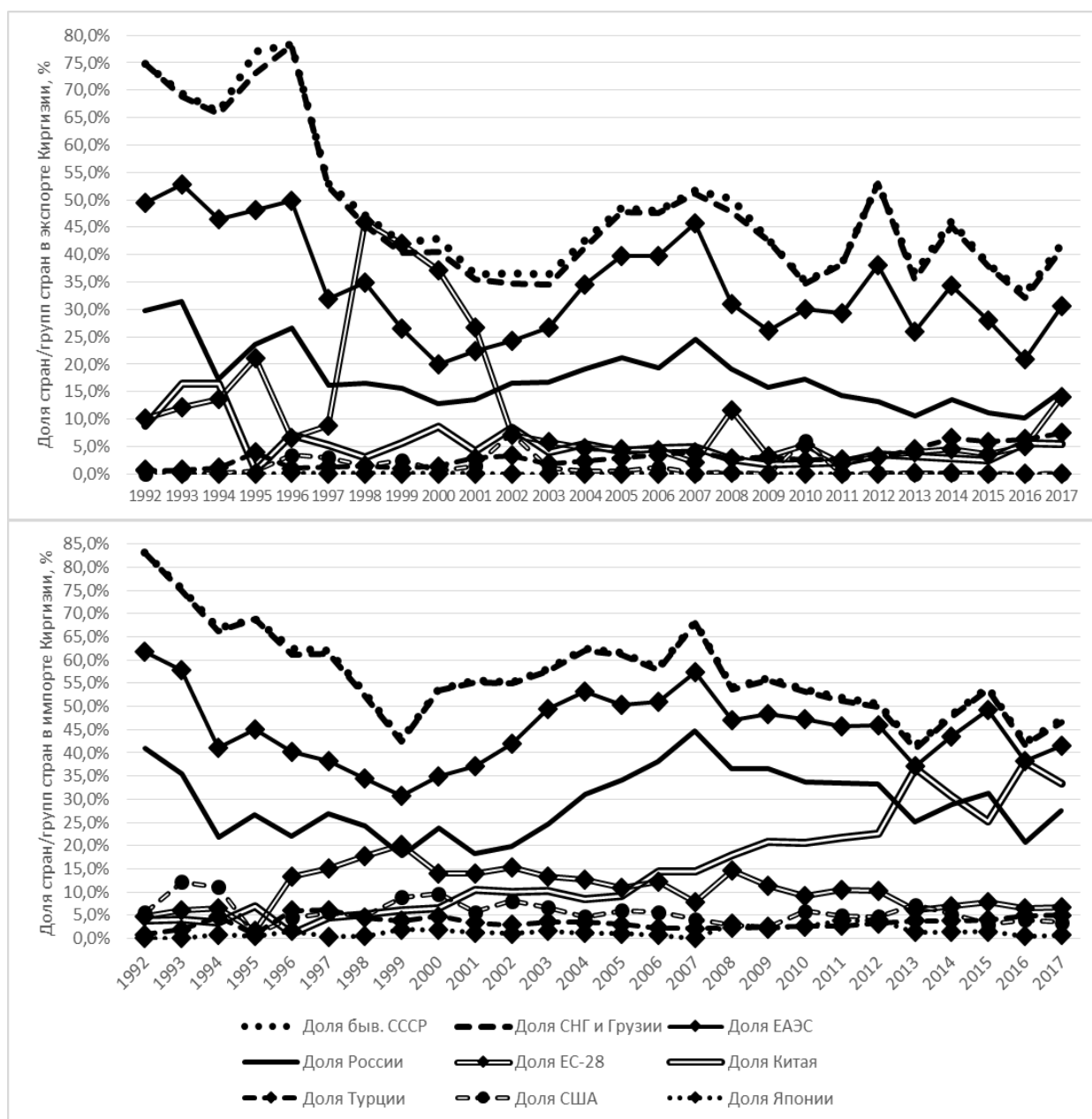

Рис. 6. Доля стран/групп стран в экспорте (верхняя диаграмма) и импорте (нижняя диаграмма) товаров Киргизии, %, 1994–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: The Direction of Trade Statistics (IMF), the International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

Во внешней торговле Киргизии к настоящему времени ключевую роль играют четыре страны – Россия (третья страна по объемам экспорта (14,6%) из Киргизии и вторая в импорте (26,3%)), Казахстан (вторая страна в экспорте (16,6%) и третья в импорте (13,1%)), Китай – первая страна по стоимости импортных поставок в Киргизию (33,5%), и Швейцария, являющаяся крупнейшим покупателем товаров страны (27,3%). При этом в товарообороте страны доля всех 15-ти ННГ и стран СНГ и Грузии за период 1993–2017 гг. значительно снизилась – на 32,8% и 33,8% до 42,1% и 41,0% в экспорте, соответственно, а в импорте – на 35,9% и 36,6% до 47,3% и 46,5%. Доля ЕАЭС также стала меньше (на 18,8% по экспорту и 20,4% по импорту), но все равно осталась на уровне 30,6% от экспорта Киргизии и 41,5% – от импорта страны. Киргизская Республика – единственная из государств-членов ЕАЭС, где товарооборот с ЕС изменился мало за рассматриваемый период, составив в среднем в 1993–2017 гг. 11,9%

по экспорту и 10,6% по импорту. Также стоит отметить значительное расширение торговли с Турцией, составлявшей 7,5% от экспорта Киргизии к 2017 г. и 5,0% от импорта.

После четырех лет интеграции в рамках ЕАЭС торговые связи между государствами-членами Союза, несмотря на некоторую активизацию взаимного товарооборота,¹¹ по-прежнему характеризуются крайней асимметричностью, которая в т.ч. обусловлена размером экономик пяти стран.¹² Если Россия является крупнейшей страной-экспортером для Армении, Белоруссии и Казахстана, и крупнейшим импортером – для первых двух (для Казахстана – четвертой страной), а для Киргизии – вторым крупнейшим экспортером и третьим импортером, то для России из четырех республик в товарообороте существенную роль играют только Белоруссия (третий импортер и четвертый экспортер продукции в Россию) и Казахстан (седьмой импортер и 11-ый экспортер) (см. табл. 1).

Таблица 1

Взаимная торговля товарами государств-членов ЕАЭС в 2017 г.

Экспорт в/ импорт из	Армения		Белоруссия		Казахстан		Киргизия		Россия	
	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.
Объем и доля в экспорте и импорте государств-членов ЕАЭС										
Армения	<i>общий экспорт 2145,0 млрд долл.; общий импорт 3893,5 млрд долл.</i>									
объем	xx	xx	6,9	37,6	4,9	4,0	1,8	0,09	540,5	1165,6
доля			0,3%	1,0%	0,2%	0,1%	0,1%	0,002%	25,2%	29,9%
Белоруссия	<i>общий экспорт 29267,1 млрд долл.; общий импорт 34230,7 млрд долл.</i>									
объем	34,5	7,1	xx	xx	587,9	96,8	123,4	6,6	12835,3	19359,5
доля	0,1%	0,02%			2,0%	0,8%	0,4%	0,02%	43,9%	56,6%
Казахстан	<i>общий экспорт 48342,1 млрд долл.; общий импорт 29345,9 млрд долл.</i>									
объем	4,4	4,6	955,2	508,6	xx	xx	503,2	255,2	4515,2	11472,9
доля	0,01%	0,02%	0,2%	1,7%			1,0%	0,9%	9,3%	39,1%
Киргизия	<i>общий экспорт 1790,8 млрд долл.; общий импорт 4481,3 млрд долл.</i>									
объем	0,007	0,6	8,5	83,1	297,2	586,0	xx	xx	262,2	1180,5
доля	0,0004%	0,01%	0,5%	1,9%	16,6%	13,1%			14,6%	26,3%
Россия	<i>общий экспорт 359152,0 млрд долл.; общий импорт 228212,8 млрд долл.</i>									
объем	868,8	427,6	15537,3	10691,6	11924,2	4599,7	1388,7	169,2	xx	xx
доля	0,2%	0,2%	4,3%	4,7%	3,3%	2,0%	0,4%	0,1%		

¹¹ Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2017 году» / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2018. 90 с.

¹² На 2017 г. доля Российской Федерации в совокупном ВВП ЕАЭС составляла 84,4%, Казахстана – 10,5%, Белоруссии – 4%, Армении – 0,6% и Киргизии – 0,5% (расчеты автора на основе данных Всемирного банка).

Продолжение таблицы 1

Место в экспорте и импорте государств-членов ЕАЭС										
Армения	xx		19	20	21	55	35	110	1	1
Белоруссия	46	83	xx		8	28	22	84	1	1
Казахстан	65	76	37	10	xx		22	18	4	1
Киргизия	76	68	13	7	2	3	xx		3	2
Россия	47	55	3	4	7	11	41	71	xx	

Источник: составлено автором по данным: International Trade Centre, 2018. – URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c000%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2-%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1 (дата обращения – 05.12.2018).

В то же время Армения находится в пятом-девятом десятке стран по значимости для всех четырех государств-членов ЕАЭС (ее доля достигает не более 0,2% от экспорта и импорта торговых партнеров по Союзу. И, наоборот, Белоруссия, Казахстан и Киргизия не входят даже в десятку наиболее важных торговых партнеров Армении – максимально высокое место у Белоруссии (19-е по экспорту из Армении и 20-е по импорту). Киргизия входит в третью-пятую десятку стран по объему экспорта для других республик (не более 1% странового экспорта), а по объему импорта ее место варьирует от 18-го для соседнего Казахстана, до 71-го – для России, 84-го – для Белоруссии и 110-го – для Армении (не более 0,9% от импорта стран-партнеров). Для Киргизии же помимо России и Казахстана важным торговым партнером является также Белоруссия (соответственно, 13-е и 7-е места). В то же время Армения занимает места в седьмом-восьмом десятке по объему импорта и экспорта в Киргизию. Резюмируя, можно сказать, что, исходя из объемов товарооборота, негативного сальдо торговли и небольшой доли в экспорте и импорте России, именно Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия должны были бы в первую очередь инициировать углубление связей с Российской Федерацией в рамках ЕАЭС для получения более полного доступа на емкий российский рынок.

Вместе с тем, на постсоветском пространстве Россия объективно уже давно не является единственным крупным игроком на рынке товаров стран ЕАЭС (см. табл. в Приложении 1). За последние 25 лет на этот рынок вышли Германия (18 упоминаний в списке десяти крупнейших экспортеров и импортеров стран-членов ЕАЭС из 20-ти возможных), Китай (17), США (14), а также Турция (12), Великобритания (11), Италия (10), Нидерланды и Швейцария (по 8 упоминаний).

Эти страны и Евросоюз, где ведущую роль играет Германия, имеют прекрасно отлаженную систему продвижения своих интересов в государствах-членах ЕАЭС. Поэтому реализация любых инициатив по дальнейшей интеграции в рамках Союза будет обязательно сопровождаться (контр)действиями со стороны внешних игроков, так как им выгоднее договариваться со странами, входящими в ЕАЭС, на двусторонней основе, нежели чем иметь дело с согласованной позицией группы из пяти стран.

Что касается торговли государств-членов Союза с другими постсоветскими республиками, исключая страны Прибалтики, которые уже являются членами Евросоюза, то наиболее тесные торговые связи сохранились между следующими республиками (см. табл. 2):

– у России – с Украиной, для которой Российская Федерация несмотря на подписание Соглашения об Ассоциации с Евросоюзом в 2014 г., по-прежнему является крупнейшим торговым партнером как по экспорту (в среднем 20,4% в 2001-2017 гг.), так и по импорту (29,6%). Для России, несмотря на взаимные санкции, Украина на 2017 г. оставалась 13-ой страной по экспорту и 9-ой – по импорту. Также Россия остается важным торговым партнером и для остальных республик – первым импортером продукции из Грузии (средний показатель за 2001-2017 гг. – 9,7%), крупнейшим экспортером в Азербайджан (16,5%), вторым крупнейшим импортером из Молдавии (13,8%) и Узбекистана (22,6%), вторым экспортером продукции в Молдавию (22,1%) и Грузию (9,6%), третьим импортером из Узбекистана и третьим экспортером в Таджикистан. В целом, для всех семи ННГ, не входящих в ЕАЭС и в Евросоюз Россия входит как минимум в топ-7 крупнейших стран по экспорту из республик и в топ-5 по импорту в ННГ;

– у Казахстана – с Узбекистаном, Украиной, а также с Таджикистаном. Для Узбекистана Казахстан является пятым крупнейшим импортером продукции (в среднем в 2001-2017 г. доля в экспорте Узбекистана – 7,3%) и третьим крупнейшим экспортером в страну (9,6% в импорте Узбекистана). Украина на 2017 г. была 10-ой страной по стоимости экспортных поставок из Казахстана (2,5%) и 11-ой страной экспортером в Республику (4,3%). Для Таджикистана Казахстан оставался крупнейшим рынком сбыта продукции (7,3%) и четвертым экспортером товаров на рынок Таджикистана (11,8%).

– у Белоруссии – с Украиной, которая является вторым после России рынком сбыта товаров (8,2% от белорусского экспорта в 2001-2017 гг.) и пятым экспортером продукции в Республику (4,3%). Также для Молдавии Белоруссия к 2017 г. оставалась девятым экспортером продукции (в

среднем – доля в 3,3% в импорте Молдавии) и шестым импортером (5,4%).

– у Армении – с Грузией и Украиной. Грузия входит в десятку крупнейших рынков сбыта товаров из Армении (в 2017 г. – 4-е место, доля в экспорте Армении в 2001-2017 гг. – 5,1%) и экспортеров в страну (1,8% в импорте Армении). В свою очередь, на Украину за рассматриваемый период приходилось в среднем 1,5% экспорта Армении (15 место в 2017 г.) и 5,0% импорта страны (7 место).

– у Киргизии – с Узбекистаном (пятый крупнейший импортер и экспортер продукции при средней доле в 7,3% и 4,4%, соответственно) и Украиной (18-ый импортер и 10-ый экспортер – 0,5% и 2,2%), а также по экспорту – с Таджикистаном и Туркменистаном, которые являлись к 2017 г., соответственно, 9-ым и 15-м крупнейшим рынком сбыта при средней доле в 2,3% и 0,4%.

Таблица 2

Взаимная торговля товарами государств-членов ЕАЭС с другими странами СНГ и Грузией, 2001-2017 гг.*

Показатели	Молдавия		Украина		Азербайджан		Грузия		Таджикистан		Туркменистан		Узбекистан	
	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.
<i>Армения</i>	0,1	0,0	0,3	0,02	--	--	7,8	1,5	0,01	0,02	0,4	0,1	0,05	0,02
	53	78	56	91	--	--	8	26	47	44	19	38	49	58
<i>Армения Эксп. Имп.</i>	0,1	0,1	1,5	5,0	0,03	0,01	5,1	1,8	0,01	0,0	0,5	0,8	0,1	0,1
	48	73	15	7	23	59	4	10	41	112	20	40	28	72
<i>Белоруссия</i>	5,4	3,3	2,6	4,1	0,2	0,8	0,9	0,4	0,6	0,9	0,05	1,9	0,4	0,9
	6	9	12	5	34	18	23	29	16	10	25	15	15	24
<i>Белоруссия Эксп. Имп.</i>	0,6	0,3	8,2	4,3	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,3	0,0	0,3	0,1
	18	34	2	5	22	77	34	66	45	100	37	98	31	52
<i>Казахстан</i>	1,8	1,1	2,1	1,9	0,5	3,5	2,2	0,8	7,3	11,8	1,8	2,0	7,3	9,6
	21	67	32	27	32	15	16	20	1	4	10	16	5	3
<i>Казахстан Эксп. Имп.</i>	0,1	0,1	2,5	4,3	0,5	0,2	0,1	0,1	0,6	0,2	0,2	0,5	1,6	1,8
	49	66	10	11	36	52	47	55	24	15	44	47	8	6
<i>Киргизия</i>	0,1	0,02	0,1	0,0	0,1	0,01	0,2	0,01	0,5	1,4	0,1	0,1	1,5	1,3
	50	87	80	107	61	76	29	65	11	15	44	40	6	11
<i>Киргизия Эксп. Имп.</i>	0,04	0,1	0,5	2,2	0,3	0,2	0,1	0,1	2,3	0,2	0,4	0,3	7,3	4,4
	43	52	18	10	32	71	24	41	9	20	15	69	5	5

Продолжение таблицы 2

Россия	25,1	13,8	20,4	29,6	4,6	16,5	9,7	9,6	12,0	20,6	1,7	13,6	16,6	22,6
	2	2	1	1	4	1	1	2	7	3	7	5	3	2
Россия Эксп. Имп.	0,2	0,3	4,0	5,8	0,4	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,5	0,6
	66	63	13	9	39	50	55	60	56	97	70	85	25	36

* - верхний ряд – средняя доля страны в экспорте (левый столбик) и импорте (правый столбик) торгового партнера в 2001-2017 гг.; нижний ряд – место страны по объему экспорта (левый столбик) и импорта (правый столбик) в 2017 г.

Источник: составлено автором по данным: International Trade Centre, 2018. – URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c000%7c%7c%7c%7cТО-TAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения – 05.12.2018).

Движение услуг – направления внешней торговли России услугами

Ввиду отсутствия в открытом доступе статистики для Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизия по торговле услугами в страновом разрезе мы ограничимся в данной работе рассмотрением данных по Российской Федерации, предоставленные Банком России (см. рис. 6, 7). Как и в отношении товарообмена, в списке ведущих импортеров российских услуг Евросоюз опережает страны СНГ и Грузию, причем к 2017 гг. этот разрыв достиг

2,8 раза (38,8% и 13,8%). В десятку крупнейших импортеров услуг входят Швейцария (6,8%), США (6,2%), Германия (5,2%), Великобритания (5,1%), Франция (5,1%), Кипр (4,4%), Китай (4,1%) и только на восьмом месте идет Казахстан (3,4%), а на 10-м – Белоруссия (2,6%) (на девятом месте находятся Нидерланды – 2,6%). Киргизия и Армения занимают в этом списке 34-е и 35-е места. Вместе с тем, с 2012 г. наблюдается увеличение доли государств-членов ЕАЭС – с 5,6% до 7,3% в 2017 г. при максимуме в 8,1% в 2015 г.

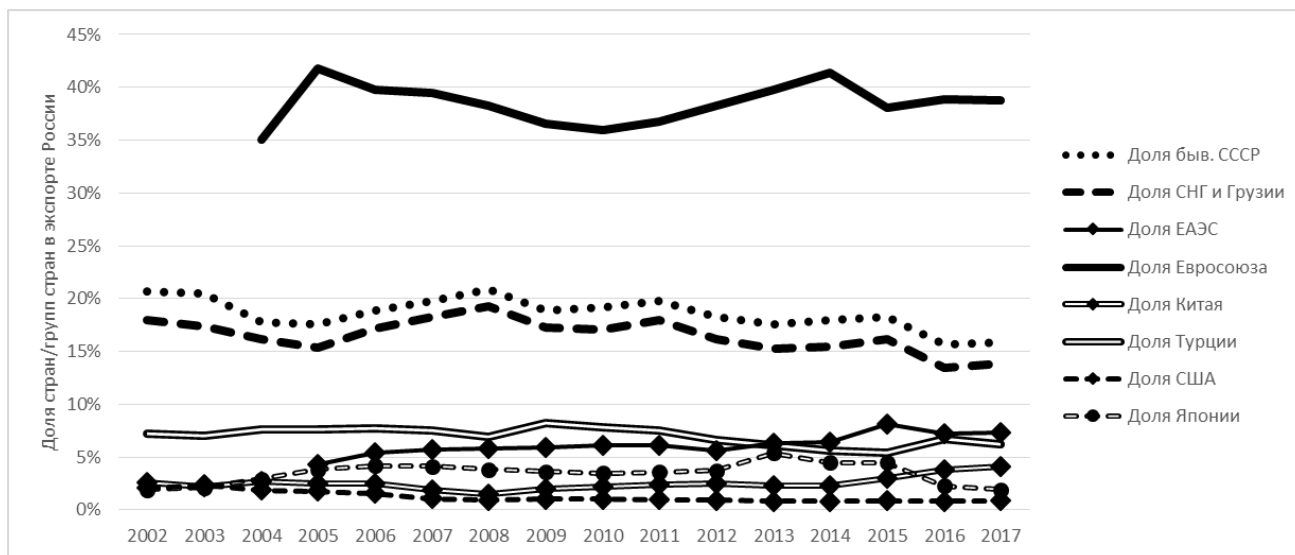

Рис. 6. Доля стран/групп стран в экспорте услуг России, %, 2002–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Банка России: Внешняя торговля Российской Федерации услугами по основным странам-партнерам, 2018. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrfId=svs> (дата обращения – 09.12.2018).

В части экспорта услуг в Российскую Федерацию доминирование Евросоюза перед другими группами стран тем более не вызывает вопросов – за период 2004–2017 гг. доля Евросоюза в российском импорте увеличилась с 37,8% до 47,2%,

в то время как доля 15 постсоветских республик и 12 государств СНГ плюс Грузии снизилась, соответственно, с 18,3% и 16,4% до 7,9% и 6,4%. В отношении ЕАЭС, как и по экспорту российских услуг, с 2013 г. имеется положительная тенден-

ция на увеличение доли государств-членов ЕАЭС в импорте услуг Российской Федерации (с 2,8 до 4% к 2017 г.). Тем не менее, пока список из десяти крупнейших экспортеров услуг в Россию выглядит следующим образом: Германия (6,0%), Франция, Турция, Кипр (по 5,5%), Великобритания (4,9%), США (4,6%), Ирландия (4,3%), Швейцария (3,3%), Нидерланды (3,0%), Италия (2,8%). На 11-м месте располагается Китай, из государств-членов ЕАЭС наиболее высоко в списке (на 12-м месте) находится Белоруссия, в

то время как Казахстан занимает 21-е место, Армения – 42-е, и Киргизия – 45-е место. Таким образом, во внешней торговле Российской Федерации услугами государства-члены ЕАЭС играют незначительную роль с долей в экспорте на уровне 6,2% на протяжении 2005–2017 гг. и с долей в 3,3% в импорте услуг. Однако в последние пять лет наблюдается увеличение их доли в экспорте и импорте на 1%, что может являться следствием углубления интеграционных процессов в рамках Союза.

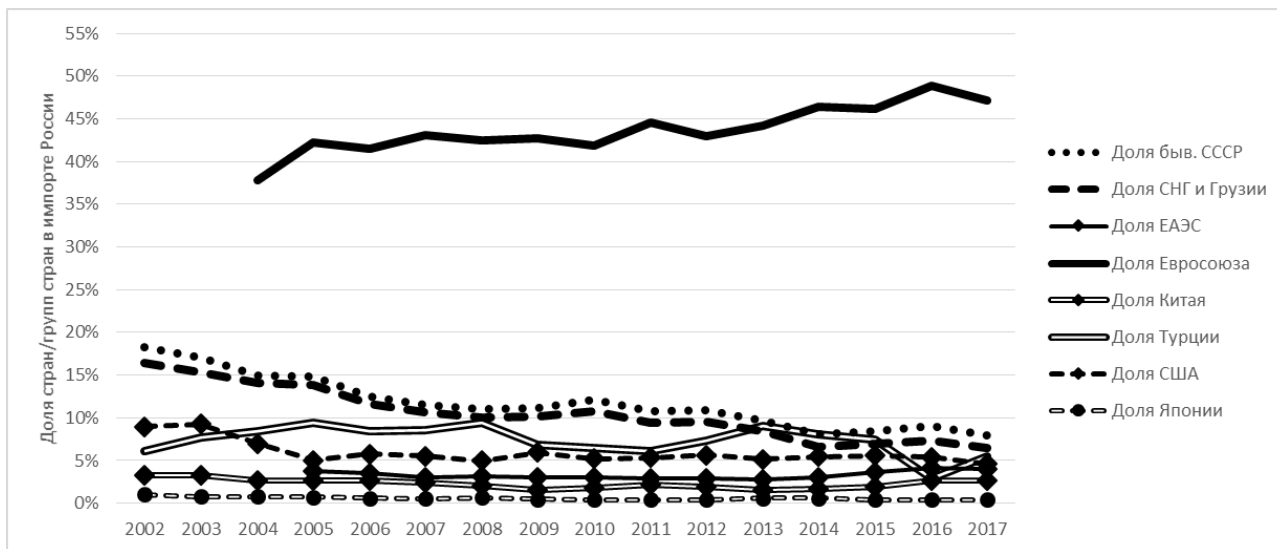

Рис. 7. Доля стран/групп стран в импорте услуг России, %, 2002–2017 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Банка России: Внешняя торговля Российской Федерации услугами по основным странам-партнерам, 2018. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrfId=svs> (дата обращения – 09.12.2018).

Движение капитала – прямые иностранные инвестиции России и других государств-членов ЕАЭС

При рассмотрении статистики потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России за рубеж, предоставляемой Банком России, бросается в глаза превалирование бизнес-интересов российских инвесторов за пределами постсоветских республик (см. табл. 3). В течение 2007-2017 гг. доля стран СНГ и Грузии в ежегодных российских потоках ПИИ за рубеж достигала в среднем 5,6%, а государств-членов ЕАЭС – только 3,7%.

Во входящих потоках ПИИ в Российскую Федерацию доля СНГ и Грузии и стран Союза в 2016 г. равнялась 1,6%, и 0,4%, а в 2017 г. – 1,3% и 0,3%, соответственно, поэтому мы не будем рассматривать статистику по входящим потокам ПИИ более подробно. Из государств, входящих в ЕАЭС наиболее активно российские компании осуществляли инвестиции в Белоруссии и Казахстане, затем шли Армения и Киргизия. Вне Союза основное внимание российских инвесторов было сосредоточено на наиболее крупных экономиках – Украине и Узбекистане, а также на Латвии.

Таблица 3

Динамика вложений прямых иностранных инвестиций из России за рубеж, 2007-2017 гг.

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего, млн долл.	44801	55663	43281	52616	66851	48822	86506	57083	22330	22314	36757
в т.ч.:											
Страны Дальнего зарубежья	91,0%	97,4%	93,3%	95,3%	97,4%	98,4%	91,8%	91,7%	96,7%	91,0%	97,4%
СНГ и Грузия	9,0%	2,6%	6,7%	4,7%	2,6%	1,6%	8,2%	8,3%	3,3%	9,0%	2,6%

Продолжение таблицы 3

Страны ЕАЭС	2,6%	2,9%	6,0%	1,4%	5,4%	3,0%	1,9%	2,8%	5,3%	5,3%	3,8%
Республики быв. СССР	3790	3815	4042	1603	4914	2734	2997	1570	1782	1782	1263
<i>в т.ч.:</i>											
Армения	7,3%	7,0%	4,4%	0,3%	1,4%	4,8%	3,1%	17,3%	-3,2%	-3,2%	2,7%
Белоруссия	21,4%	27,1%	33,9%	58,3%	57,4%	17,2%	28,8%	38,8%	35,3%	35,3%	39,1%
Казахстан	2,8%	8,5%	25,4%	-14,1%	13,7%	30,9%	22,4%	41,8%	26,7%	26,7%	57,6%
Киргизия	-0,3%	0,0%	0,0%	0,7%	0,4%	-0,1%	0,4%	2,7%	7,0%	7,0%	11,9%
Молдавия	1,1%	0,4%	2,7%	1,3%	-0,1%	4,8%	1,4%	-13,5%	-0,7%	-0,7%	-1,2%
Украина	44,0%	3,8%	16,8%	30,3%	14,3%	21,9%	16,6%	-31,4%	46,1%	46,1%	-7,3%
Латвия	2,1%	4,3%	1,9%	9,2%	6,7%	12,7%	19,0%	32,7%	-3,5%	-3,5%	-2,4%
Литва	1,5%	1,5%	1,6%	3,0%	1,4%	1,0%	1,5%	-4,2%	0,4%	0,4%	0,6%
Эстония	0,3%	0,8%	0,3%	1,3%	0,6%	3,1%	4,0%	9,5%	-0,3%	-0,3%	0,9%
Азербайджан	0,1%	2,7%	0,1%	0,5%	0,2%	-0,2%	1,2%	-2,1%	-2,4%	-2,4%	0,3%
Грузия	2,7%	1,6%	0,0%	2,9%	1,2%	2,0%	1,1%	5,9%	1,5%	1,5%	5,3%
Таджикистан	1,2%	0,6%	0,3%	0,5%	1,0%	1,4%	-1,4%	-0,7%	-1,3%	-1,3%	1,2%
Туркмения	0,2%	0,7%	1,4%	-3,7%	0,0%	0,1%	0,8%	2,1%	0,7%	0,7%	-2,7%
Узбекистан	9,4%	10,8%	5,4%	9,4%	1,9%	0,3%	-0,4%	1,1%	-6,4%	-6,4%	-6,1%

Источник: составлено автором по данным: Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубежом. Операции по инструментам и странам-партнерам, Банк России, 2018. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls (дата обращения: 12.12.2018).

Объем накопленных российских и иностранных инвестиций в России в рамках СНГ и Грузии отличается еще меньшими цифрами, чем статистика по потокам ПИИ в последние годы (см. табл. 4). Так, на 12 постсоветских республик (исключая страны Прибалтики) к 2017 г. приходилось только 3,5% от российских накопленных инвестиций за рубежом, а объем вложенных инвестиций в экономику России составлял только 2,6%. Еще меньшей

(2,2% и 1,2%, соответственно) была доля государств-членов ЕАЭС. Из 14 республик быв. СССР лидерами по привлеченным инвестициям из России являлись: Белоруссия (24,4%), Украина (23,5%), Казахстан (20,7%), Латвия (9,9%) и Армения (8,7%). Те же самые страны за исключением Латвии, и включая Узбекистан, входили в список наиболее крупных инвесторов в российскую экономику на постсоветском пространстве.

Таблица 4

**Объем накопленных прямых иностранных инвестиций из России за рубежом
и иностранных инвестиций в России, 2017 г.**

Показатели	Общие входящие прямые инвестиции		Общие исходящие прямые инвестиции	
	млн долл.	доля	млн долл.	доля
Всего	441123	100,0%	380047	100,0%
<i>в т.ч.</i>				
Дальнее зарубежье	429845	97,4%	366702	96,5%
СНГ и Грузия	11278	2,6%	13345	3,5%
ЕАЭС	5304	1,2%	8525	2,2%

Продолжение таблицы 4

Республики быв. СССР	12302	100%	15533	100%
<i>в т.ч.</i>				
Армения	669	5,4%	1346	8,7%
Белоруссия	1342	10,9%	3796	24,4%
Казахстан	3132	25,5%	3210	20,7%
Киргизия	161	1,3%	174	1,1%
Молдавия	236	1,9%	177	1,1%
Украина	3418	27,8%	3658	23,5%
Латвия	309	2,5%	1546	9,9%
Литва	309	2,5%	315	2,0%
Эстония	405	3,3%	328	2,1%
Азербайджан	664	5,4%	92	0,6%
Грузия	129	1,1%	393	2,5%
Таджикистан	327	2,7%	370	2,4%
Туркмения	102	0,8%	н/д	н/д
Узбекистан	1098	8,9%	130	0,8%

Источник: составлено автором по данным: Координированное обследование прямых инвестиций. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию/Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж, Банк России, 2018. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/CDIS/CDIS_Inw_18.xlsx ; http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/CDIS/CDIS_Out_18.xlsx (дата обращения: 12.12.2018).

Для рассмотрения взаимных инвестиций государств, входящих в СНГ и ЕАЭС мы используем данные Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) и Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН, опубликованные в рамках «Мониторинга взаимных инвестиций в странах СНГ» (табл. 5). Как видно, данные по объему накопленных инвестиций существенно скорректированы в большую сторону из-за особенностей используемой ЦНИИ ЕАБР и ИМЭМО РАН методики, позволяющей учесть в т.ч. инвестиции через офшорные юрисдикции.¹³

Вместе с тем, основные тенденции остались прежними – Россия как основной инвестор в рамках СНГ и Грузии (77% от объема накопленных инвестиций) осуществляет вложения, в основном, в пять стран, из которых три являются партнерами по ЕАЭС – Белоруссию (24,5%), Казахстан (23,6%), Узбекистан (15,2%), Украину

(14,9%) и Армению (9,9%). На каждое из других государств приходится менее 1 млрд долл. инвестиций. Из других республик СНГ по объему накопленных инвестиций выделяются Казахстан (9,6% от общего объема инвестиций в регионе), Азербайджан (5,3%), Белоруссия (4,8%) и Украина (2,5%), причем Россия является главным направлением для инвестирования из Казахстана, Белоруссии и Украины, а Грузия – для Азербайджана. Объем инвестиций между остальными постсоветскими государствами за 1990-2010 гг. пока не превысил уровень в 1 млрд долл. Можно отметить, что *основной объем накопленных инвестиций в рамках ЕАЭС приходится на российских инвесторов (21 млрд долл. или 78%) и обмен осуществляется в основном между Россией (19% от объема взаимных накопленных ПИИ), Казахстаном (31%) и Белоруссией (32%). В то же время Армения и Киргизия получили 13% и 5%, что во много раз больше их доли в совокупном ВВП пяти стран.*

¹³ Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. / Авт. колл. А. В. Кузнецов, К. А. Гемуева, Ю. Д. Квашин, А. А. Невская, А. А. Макарова, А. С. Четверикова, Т. В. Цукарев. 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 12.

Таблица 5

Взаимные инвестиции стран СНГ, ЕАЭС и Грузии, 2016 г.

Показатели	Накопленные прямые иностранные инвестиции стран-инвесторов, млрд долл.									
	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	ЕАЭС	Азербайджан	Украина	Грузия	12 стран
Армения	X	0,00*	0,00	0,00	3,44	3,44	н/д	0,09	0,08	3,62
Белоруссия	0,16	X	0,06	0,002	8,52	8,74	0,00*	0,02	0,02	8,64
Казахстан	0,00	0,03	X	0,00	8,21	8,24	0,02	н/д	н/д	8,27
Киргизия	0,00	0,003	0,61	X	0,86	1,47	н/д	н/д	н/д	1,47
Россия	0,008	2,05	2,95	0,00	X	5,01	0,25	0,77	0,03	6,11
<i>Всего:</i>	<i>0,17</i>	<i>2,08</i>	<i>3,62</i>	<i>0,002</i>	<i>21,03</i>	<i>26,90</i>	<i>0,27</i>	<i>0,88</i>	<i>0,13</i>	<i>28,11</i>
Молдавия	н/д	0,01	н/д	н/д	0,40	0,41	н/д	0,08	-	0,49
Украина	н/д	0,03	0,16	н/д	5,19	5,38	0,18	X	0,03	5,57
Азербайджан	н/д	0,01	0,01	н/д	0,89	0,91	X	н/д	0,00	0,91
Грузия	н/д	0,00*	0,46	н/д	0,80	1,26	1,94	0,15	X	3,38
Таджикистан	н/д	0,00	0,01	н/д	0,93	0,94	н/д	0,00	н/д	0,95
Туркменистан	н/д	0,00*	0,00*	н/д	0,25	0,25	н/д	0,00*	н/д	0,25
Узбекистан	н/д	0,00*	0,08	н/д	5,30	5,38	н/д	0,00	н/д	5,41
<i>Итого:</i>	<i>0,17</i>	<i>2,13</i>	<i>4,34</i>	<i>0,002</i>	<i>34,79</i>	<i>41,43</i>	<i>2,40</i>	<i>1,12</i>	<i>0,15</i>	<i>45,05</i>

* - по этим странам в базе данных имеются проекты с объемом инвестиций менее 1 млн долл.

Источник: Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. / Авт. колл. А.В. Кузнецов, К.А. Гемуева, Ю.Д. Квашнин, А.А. Невская, А.А. Макарова, А.С. Четверикова, Т.В. Цукарев. 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 19; Евразийский экономический союз / Под ред. Е.Ю. Винокурова / Авт. колл. Е.Ю. Винокуров, Д.А. Коршунов, В.С. Перебоев, Т.В. Цукарев. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.

Движение трудовых ресурсов – миграционные потоки между Россией и другими государствами-членами ЕАЭС и республиками быв. СССР

Для данного анализа мы используем статистику Всемирного банка по количеству мигрантов и денежным переводам. К 2010 г. Россия по количеству иммигрантов (12,3 млн чел., по оценке Всемирного банка.) вышла на второе место в мире после США.¹⁴ К 2017 г. Российская Федерация переместилась на четвертое место после Германии (12,6 млн чел.) и Саудовской Аравии (12,2 млн чел.), однако разница между этими странами по количеству прибывших мигрантов невелика.

Подавляющее большинство людей (96%), переехавших на работу в Россию, являются гражданами постсоветских республик (табл. 6), а основными государствами-донорами трудовых ресурсов – Украина (3,3 млн чел. к 2017 г.),

Казахстан (2,6 млн чел, и здесь речь идет, прежде всего, о русскоязычном населении республики, переехавшем в 1990-2000-х гг.), Узбекистан (1,1 млн чел.), Азербайджан (768 тыс. чел.), Белоруссия (765 тыс. чел.), Киргизия (592 тыс. чел.), Армения (528 тыс. чел.), Таджикистан (467 тыс. чел.) и Грузия (451 тыс. чел.). Таким образом, еще до формирования ЕАЭС в рамках предыдущих интеграционных форматов на постсоветском пространстве уже имело место значительное движение трудовых ресурсов (например, количество мигрантов в России из Армении соответствовало в 2013 г. 36% людей в трудоспособном возрасте в республике, 28% – в Казахстане, 23% – в Киргизии и 14% – в Белоруссии), и в последние четыре года после образования Союза количество мигрантов в России из четырех республик изменилось весьма незначительно (см. табл. 6).

¹⁴ Migration and Remittances Data, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения – 10.11.2018).

Таблица 6

Количество иммигрантов в России из республик быв. СССР, 2010, 2013 и 2017 гг.

Показатели	2010		2013		2017	
	Кол-во иммигрантов в России, тыс. чел	Доля от общ. кол-ва эмигрантов из страны	Кол-во иммигрантов в России, тыс. чел	Доля от общ. кол-ва эмигрантов из страны	Кол-во иммигрантов в России, тыс. чел	Доля от общ. кол-ва эмигрантов из страны
Армения	493,1	57%	510,6	65%	527,7	54%
Белоруссия	958,7	54%	740,1	46%	764,8	46%
Казахстан	2648,3	71%	2479,4	65%	2562,1	65%
Киргизия	474,9	76%	572,7	78%	591,8	76%
Молдавия	284,3	37%	285,0	33%	294,5	29%
Украина	3647,2	56%	2939,1	53%	3272,3	55%
Латвия	69,1	41%	56,9	30%	58,8	29%
Литва	105,0	38%	86,6	25%	105,0	22%
Эстония	88,3	21%	68,8	12%	71,1	11%
Азербайджан	866,8	60%	743,1	58%	767,9	63%
Грузия	644,4	61%	436,0	58%	450,5	51%
Таджикистан	392,4	50%	451,8	74%	466,8	73%
Туркменистан	179,5	69%	179,8	72%	185,8	72%
Узбекистан	940,5	48%	1110,6	58%	1147,6	55%
Всего иммигрантов в России и доля иммигрантов из респ. быв. СССР	12270,4	96%	11048,1	96%	11652,1	96%

Источник: составлено автором по данным: Migration and Remittances Data, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения – 10.11.2018).

Из-за недостаточно быстрого развития экономики и создания необходимого количества рабочих мест для людей, находящихся в трудоспособном возрасте, и молодых людей, ежегодно выходящих на рынок труда, семь из пятнадцати республик быв. СССР сформировали к началу-середине 2000-х гг. экономическую модель, где важным фактором поддержания внутреннего спроса и социальной

стабильности являются денежные переводы мигрантов из-за рубежа (табл. 7).¹⁵ К этим странам можно отнести Таджикистан, где в последнее десятилетие отношение объема денежных переводов к ВВП страны достигало 30–45% при максимуме в 49% в 2008 г., Молдавию (20–35%), Киргизию (20–32%), Армению (12–18%), Грузию (8–13%), Узбекистан (5–12%) и Украину (4–11%).

¹⁵ См. также: Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг.: тенденции и перспективы // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 102–115.

Таблица 7

Динамика денежных переводов мигрантов в республики быв. СССР, 1994-2018 гг.

Показатели	Вверху – средний объем денежных переводов в страну, млн долл.; внизу – среднее значение отношения объема денежных переводов к ВВП страны						
	1994-1997	1998-2001	2002-2005	2006-2009	2010-2013	2014-2017	2018 (оценка*)
Армения	95	92	412	1539	1894	1623	1868
	6,0%	4,8%	10,6%	17,3%	18,4%	14,6%	15,5%
Белоруссия	168	203	204	411	933	1098	1258
	1,2%	1,5%	1,0%	0,8%	1,4%	1,9%	2,1%
Казахстан	88	107	145	138	198	263	430
	0,3%	0,5%	0,5%	0,1%	0,1%	0,2%	0,2%
Киргизия	2	16	154	846	1821	2103	2662
	0,1%	1,1%	6,9%	20,0%	28,9%	29,4%	35,1%
Россия	3028	1473	2187	4832	5973	7401	9338
	0,8%	0,6%	0,4%	0,4%	0,3%	0,5%	0,5%
Молдавия	68	165	608	1477	1936	1680	1886
	3,7%	11,9%	25,5%	31,1%	27,7%	22,8%	20,5%
Украина	н/д	51	840	5279	8118	9377	16493
	н/д	0,1%	1,1%	3,9%	4,9%	9,0%	13,8%
Эстония	2	5	125	379	456	495	527
	0,0%	0,1%	1,0%	1,9%	2,0%	2,0%	1,7%
Латвия	н/д	71	230	1134	1467	1340	1265
	н/д	0,9%	1,7%	3,9%	5,3%	4,6%	3,5%
Литва	2	34	324	1308	1799	1517	1514
	0,0%	0,3%	1,4%	3,4%	4,2%	3,4%	2,8%
Азербайджан	н/д	55	301	1208	1757	1223	1292
	н/д	1,1%	3,1%	3,4%	2,7%	2,3%	2,8%
Грузия	н/д	291	304	922	1612	1690	2140
	н/д	9,2%	6,4%	8,9%	11,0%	11,2%	13,3%
Таджикистан	н/д	н/д	236	1750	2916	2441	2465
	н/д	н/д	12,0%	41,5%	40,8%	31,0%	32,2%
Туркменистан	н/д	н/д	н/д	32	37	16	9
	н/д	н/д	н/д	0,2%	0,1%	0,0%	0,0%
Узбекистан	н/д	н/д	н/д	1917	4879	3586	3416
	н/д	н/д	н/д	7,3%	9,8%	5,9%	8,5%

* - оценка Всемирного банка.

Источник: составлено автором по данным: Migration and Remittances Data, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения – 10.11.2018).

При этом основным источником денежных переводов для указанных республик являлась как раз Россия (табл. 8а и 8б). Так, доля переводов из Российской Федерации достигала в

среднем 99% от всех переводов в Узбекистан в 2013-2017 гг., 78% в 2010–2017 гг. – в Киргизию, 75% – в Таджикистан, 59% – в Азербайджан и по 55% – в Армению и Грузию. Для

Молдавии, Белоруссии и Украины этот показатель ниже (соответственно, 32% для Молдавии и по 43% для двух других республик), так как значительная часть мигрантов из этих стран выехала на работу в соседние страны-члены

Евросоюза. Как и в отношении количества иммигрантов, влияние интеграции в рамках ЕАЭС пока еще не отразилось на объеме денежных переводов из Российской Федерации в Армению, Белоруссию и Киргизию.

Таблица 8а

Объем переводов из России в республики быв. СССР и доля в общем объеме переводов мигрантов из этих республик, 2010-2013 гг.

Показатели	2010		2011		2012		2013	
	Объем, млн долл.	Доля, %	Объем, млн долл.	Доля, %	Объем, млн долл.	Доля, %	Объем, млн долл.	Доля, %
Армения	567	34%	739	41%	827	43%	1402	64%
Белоруссия	322	56%	381	43%	358	34%	555	46%
Казахстан	210	93%	173	96%	117	66%	132	64%
Киргизия	1008	80%	1363	80%	1600	79%	1760	77%
Молдавия	514	29%	610	34%	671	34%	657	30%
Украина	3124	48%	3749	48%	3628	43%	5015	52%
Латвия	225	63%	256	58%	270	59%	186	33%
Литва	332	26%	389	26%	276	18%	231	14%
Эстония	126	8%	160	8%	н/д	н/д	123	6%
Азербайджан	890	63%	1194	63%	1125	57%	1011	58%
Грузия	503	42%	694	45%	н/д	н/д	1152	59%
Таджикистан	1336	66%	1766	65%	2159	67%	3197	86%
Туркменистан	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	40	100%
Узбекистан	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	6633	99%
Объем переводов из России и доля от переводов в мире	21454	4,6%	26010	5,1%	31648	6,0%	37217	6,7%

Источник: составлено автором по данным: Migration and Remittances Data, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения – 10.11.2018).

Таблица 8б

Объем переводов из России в республики быв. СССР и доля в общем объеме переводов мигрантов из этих республик, 2014-2017 гг.

Показатели	2014		2015		2016		2017	
	Объем, млн долл.	Доля, %	Объем, млн долл.	Доля, %	Объем, млн долл.	Доля, %	Объем, млн долл.	Доля, %
Армения	1334	64%	949	64%	879	64%	979	64%
Белоруссия	572	46%	316	34%	418	43%	545	43%
Казахстан	155	68%	117	60%	175	64%	226	64%
Киргизия	1736	77%	1295	77%	1528	77%	1904	77%
Молдавия	693	33%	501	33%	476	33%	533	33%

Продолжение таблицы 8b

Украина	3834	52%	3006	35%	3148	33%	4043	33%
Латвия	152	28%	129	28%	138	29%	162	32%
Литва	194	13%	344	26%	309	25%	265	21%
Эстония	238	11%	155	11%	145	11%	147	11%
Азербайджан	1078	58%	737	58%	374	58%	610	54%
Грузия	1180	59%	858	59%	893	59%	1053	59%
Таджикистан	2972	88%	1725	76%	1419	76%	1687	75%
Туркменистан	31	100%	16	100%	9	100%	10	100%
Узбекистан	5653	97%	3104	100%	2479	100%	2839	95%
Объем переводов из России и доля от переводов в мире	32640	5,6%	19689	3,4%	16244	2,8%	20 610	3%

Источник: составлено автором по данным: Migration and Remittances Data, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения – 10.11.2018).

Узловые проблемы Евразийского экономического союза на современном этапе

Исходя из проведенного анализа в этой и предыдущих наших работах,¹⁶ а также анализа результатов исследований ЕЭК и научно-экспертного сообщества по данной проблематике, можно выделить несколько взаимосвязанных узловых проблем ЕАЭС на современном этапе.

Во-первых, имеются объективные и текущие временные ограничения внутреннего спроса в государствах-членах ЕАЭС, ограничивающие потенциал экономического роста всего интеграционного объединения. К объективным ограничениям относится естественная убыль населения в трех странах, в которых проживает 87% населения Союза: в крупнейшей экономике ЕАЭС – России (естественная убыль населения возобновилась в 2017 г.), в Белоруссии и Армении (третьей и четвертой экономике ЕАЭС). Население динамично растет в Казахстане и Киргизии, однако естественный прирост населения в этих двух республиках обеспечивает прирост населения по Союзу лишь на уровне около 600 тыс. чел. в год, что составляет только 0,33% от общего населения пяти стран.

К ключевому текущему ограничению можно отнести медленные темпы прироста ВВП России – 1,6% в 2017 г. и минус 0,2% в среднем за 2015–2017 гг. С учетом доли Российской Федерации в 84,4% в общем ВВП Союза и важной роли России во внешней торговле четырех республик, умеренный прирост ВВП крупнейшей экономики Союза не совсем позитивно отражается на развитии и всего интеграционного объединения. Соответственно, основной движущей силой экономического роста в текущих условиях должен стать экспортный спрос, для чего в т.ч. в мае 2018 г. между ЕАЭС и Китаем было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, а между ЕАЭС и Ираном – Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли.

И здесь выявляется вторая проблема – хотя в Договоре о ЕАЭС фактически определена программа формирования общего рынка к 2025 г. до сих пор отсутствует единое видение будущего Союза в долгосрочной перспективе, причем это касается как развития интеграции внутри ЕАЭС,¹⁷ так и положения Союза в мировой эко-

¹⁶ См.: Пилипенко И. В. Сравнительный анализ особенностей социально-экономического и институционального развития государств-членов Евразийского экономического союза // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. №11. Т.4. – С. 43-76; Пилипенко И. В. Динамика экономического развития и эволюция основных направлений внешней торговли постсоветских республик // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. №12. Т.9(94). С. 12-38.

¹⁷ Байльдинов Е. Договор о Евразийском экономическом союзе: как оправдать надежды? // Общество и экономика. 2014. №9. С. 5-21; Зиядуллаев Н. С. Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т.11. №15(300). – С. 2-19.

номике на горизонте полутора-двух десятилетий.¹⁸ В части внутреннего развития организации пока остается неопределенным вопрос о возможной дальнейшей трансформации ЕАЭС в валютный союз,¹⁹ что, соответственно, ставит под вопрос возможность реализации определенного в 2015 г. Высшим Евразийским экономическим советом в качестве приоритетного сценария развития ЕАЭС как «Собственного центра силы» в мировом хозяйстве.

Вместе с тем, переговорные позиции Союза в диалоге с ведущими экономическими державами и интеграционными объединениями будут напрямую зависеть от реальных результатов интеграции в рамках ЕАЭС и стратегического позиционирования Союза в мире. Наличие же трех альтернативных сценариев развития ЕАЭС («Собственный центр силы», «Транзитно-сырьевой мост» и «Продленный статус-кво») размывает перспективы организации и не позволяет сосредоточиться на достижении оптимальных в долгосрочной перспективе результатов. Необходимо отметить, что де-факто необязательность реализации приоритетного сценария в рамках «Основных направлений экономического развития», утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. №28, подчеркивается тем, что этот документ носит рекомендательный характер. Также и уточнение приоритетов в развитии интеграционных процессов на пространстве ЕАЭС было принято Высшим Евразийским экономическим советом 06 декабря 2018 г. в формате Декларации, а не нормативного правового акта Союза, что также может повлиять на вероятность выполнения поставленных в Декларации задач. Можно только рассчитывать, что указанный в Декларации будущий документ о стратегических направлениях евразийской экономической интеграции до 2025 г. будет иметь обязательный для исполнения ЕАЭС и странами-членами Союза характер.

Для повышения привлекательности, усиления веса ЕАЭС в мировой экономике и придания динамики его развитию необходимо более четко обозначить и перспективы в части возможности расширения членства в организации в ближайшем будущем. На настоящий момент у Союза нет

официальных кандидатов на вступление в организацию, хотя ранее интерес относительно присоединения к ЕАЭС выражали Таджикистан и Монголия. Единственной страной-наблюдателем в Союзе с 2017 г. является Молдавия, которая ранее в 2014 г. подписала Соглашение об ассоциации с Евросоюзом, включая создание Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли, что фактически исключает возможность ее присоединения к ЕАЭС в ближайшем будущем.

Так как Украина и Грузия также перестраивают свою экономику в соответствии с аналогичными Соглашениями 2014 г. об ассоциации с Евросоюзом, вариантов для расширения на территории быв. СССР остается совсем немного – это Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Однако учитывая особенности двусторонних отношений между Арменией и Азербайджаном, международно-правовой статус Туркменистана как нейтрального государства, который также влияет на позицию государства в отношении сотрудничества с экономическими союзами, и неготовность руководства Узбекистана передать часть своих полномочий наднациональным органам ЕАЭС, единственным возможным кандидатом из постсоветских республик на настоящий момент как раз и является Таджикистан, а также Монголия с общим населением почти 12 млн чел. (6,5% от населения ЕАЭС и 8% от населения России), но по общему ВВП по паритету покупательной способности (68 млрд долл.) составляющему только 1,5% от ВВП Союза и 1,8% от ВВП Российской Федерации. Соответственно, для усиления веса ЕАЭС и ее государств-членов в мировом хозяйстве и формирования единого рынка в Центральной Азии весьма желательным было бы членство в ЕАЭС самой крупной по населению республики региона – Узбекистана, где проживает почти половина жителей Центральной Азии (32,4 млн чел. из 71,3 млн чел.) и 17,6% от населения ЕАЭС и создается ВВП, равное 4,9% ВВП Союза.

В этой связи можно выделить *третью узловую проблему* – доминирование по объективным социально-экономическим показателям России в ЕАЭС вызывает у других республик (и в т.ч. не входящих в ЕАЭС) опасения относительно своего суверенитета по мере углубления интеграционных процессов, в связи с чем пока приоритет

¹⁸ Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 г. №28. – 28 с.

¹⁹ Пищик В. Я., Звонова Е. А. Институциональные аспекты регулирования валютно-финансовых отношений в Евразийском экономическом союзе // Вестник Финансового университета. 2014. №6. С. 92-100.

отдается большей частью решению хозяйственных задач, где важную роль играет расширение доступа местных компаний на обширный российский рынок.²⁰ Кроме того, такой подход к интеграции позволяет республикам проводить независимую внешнюю политику, развивая двусторонние отношения с Евросоюзом и Китаем, особенно в рамках инициативы КНР «Один пояс и один путь».²¹

Вместе с тем, согласно западноевропейскому подходу к вопросу о соотношении национального суверенитета малых государств и наднациональных органов управления хорошо продуманная передача части суверенных прав наднациональным институтам и международным организациям как раз и позволяет малым/меньшим по размеру населения и экономики странам принимать непосредственное участие в переговорном процессе крупных государств и добиваться более полного учета своей позиции по экономическим вопросам повестки дня.²² Именно такой подход к международной интеграции был взят за основу большинством малых стран Западной и Северной Европы (в т.ч. нейтральными государствами Австрией и Швецией) при выработке ими решения о вступлении в Европейский союз.

Ассиметричность же во взаимоотношениях между Российской Федерацией/РСФСР и другими республиками быв. СССР существовала всегда, причем обычно донором в рамках такого формата выступала именно Россия. Например, в

рамках единой плановой экономики СССР большинство республик выигрывало от ввоза сырья и многих видов оборудования по внутрисоюзным ценам, которые были ниже мировых цен на эти товары, а вывозили продукцию легкой, пищевой промышленности и другие готовые товары по завышенным по сравнению с мировыми ценам, в результате чего только за 1989 г. РСФСР недополучила за свою продукцию более 35 млрд руб. и переплатила за получаемые товары более 31 млрд руб. При конвертации же цен из внутрисоюзных в мировые единственной республикой, где уровень производства на душу населения намного превышал общесоюзный уровень (на 30%) являлась как раз РСФСР, в которой, однако, потребление находилось на уровне 97% от общестранового значения.²³

После распада СССР Российская Федерация также сыграла ключевую положительную роль в становлении экономической независимости большинства ННГ. Так, во время существования рублевой зоны до введения ННГ в течение 1992-1995 гг. собственных валют объем трансфертов из России в другие республики быв. СССР достигал 10% ВВП Российской Федерации.²⁴ Размер этих трансфертов в 1992 г. равнялся 91% от ВВП Таджикистана, для Узбекистана – 70% от ВВП страны, для Туркменистана – 53%, Грузии – 52%, Армении – 49%, Азербайджана и Казахстана – по 26 %, Киргизии – 23%, Украины – 22%, и по 11% от ВВП Молдавии и Белоруссии.²⁵ После этого многие

²⁰ Байльдинов Е. Договор о Евразийском экономическом союзе: как оправдать надежды? // Общество и экономика. 2014. №9. С. 5-21; Алексеев Е.С. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск / 2017 / Под ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 92 с.; Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. Аналитическая записка. Российский совет по международным делам. Июнь 2017 г. М.: РСМД, 2017. 23 с.

²¹ Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. №23. С. 29-41; Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. 2016. Т.11. №3. С. 67-81; Тимофеев О. А. Российско-китайские и многосторонние интеграционные проекты и их влияние на развитие Дальнего Востока // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. №20. С. 229-241.

²² Кирт Р. Наступление новой эры в конце столетия. Малые государства в эпоху глобализации // Internationale Politik, пер. с франц. – 1998. №5. – С. 37-43; Пилипенко И. В. Малые страны Западной Европы: особенности развития и место в международном разделении труда // Известия Академии Наук. Серия географическая. – 2001. №3. – С. 29-41; Пилипенко И. В. Проблемы мирохозяйственной типологии малых стран мира. // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. – 2002. №4.

С. 33-38; Пилипенко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Москва-Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.

²³ Пилипенко И. В. Динамика экономического развития и эволюция основных направлений внешней торговли постсоветских республик // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. №12. Т.9(94). С. 12-38; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 752 с.

²⁴ Gaidar Ye.T. A Political Decision. Comparative Economic Studies. 2002. Vol. 44, No. 4 (Winter), pp. 31-35. – URL: <https://www.iep.ru/en/publications/publication/2141.html> (дата обращения – 12.12.2018); Boughton J.M. Tearing Down Walls. The International Monetary Fund 1990-1999. International Monetary Fund, Washington, D.C., 2012. P. 353.

²⁵ Odling-Smee J. C., Wolf A. Financial Relations Among Countries of the Former Soviet Union. IMF Economic Reviews. Vol. 1. International Monetary Fund, Washington, D.C., 1994. P. 26; Olcott M.B., Ashund A., Garnett Sh.W. Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States. Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C., 1999, pp. 47, 73.

ННГ продолжали выигрывать от покупки российского природного газа и нефти по ценам более низким, чем мировые. Например, перед формированием ЕАЭС в рамках Таможенного союза нефтегазовый трансферт России в Республику Беларусь оценивался в 5,9–8,9 млрд долл. ежегодно в течение 2011–2014 гг., что составляло от 7,7% до 14% ВВП Белоруссии. Параллельно с этим нефтегазовый трансферт России в Казахстан достигал в 2011–2013 гг. 2,9–3,4 млрд долл. в год (от 1,4% до 1,7% ВВП страны).²⁶ Кроме того, в процессе создания институциональной структуры ЕАЭС Россия намеренно пожертвовала своим влиянием в органах управления Союза ради достижения консенсуса и получила 20% голосов при ВВП в 84,4% от суммарного размера экономики пяти государств-членов ЕАЭС.

С асимметричностью тесно связана *четвертая проблема – значительная степень дезинтеграции после 1991 г., выражающаяся в ослаблении торгово-экономических связей между нынешними членами Союза за последние 27 лет, отсутствии координации между властями стран СНГ и Грузии в проведении экономической политики и государственной политики в сфере технического регулирования*. Исходя из показателей внешней торговли товарами и имеющейся статистики по торговле услугами и вложениям прямых иностранных инвестиций, государства-члены ЕАЭС и другие республики СНГ из-за разрыва кооперационных связей в промышленности и небольшой емкости своих рынков находились на периферии основных бизнес-интересов России, которая оставалась, тем не менее, ключевым

торговым партнером для каждой из четырех республик. Помимо России как центра интеграции в рамках ЕАЭС можно выделить значительную взаимозависимость по торговле товарами между Казахстаном и Киргизией, в то время как остальные республики оказываются слабо интегрированными друг с другом. Отражением совершенно независимой промышленной политики государств, ныне входящих в ЕАЭС является и их суверенное желание оградить свой рынок от иностранных (прежде всего, российских) конкурентов и выделение схожих приоритетов в развитии промышленности,²⁷ что пока не позволяет реализовать в полной мере интеграционный потенциал. Также само наличие значительного количества препятствий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в пяти странах²⁸ указывает на расходившиеся траектории развития ННГ и проведение совершенно независимой политики в отраслях экономики до формирования Таможенного союза, Единого экономического пространства и ЕАЭС. И единственным фактором производства, в значительной степени укрепляющим интеграцию до настоящего времени, являлась миграция рабочей силы между странами Союза (в основном в Россию).

Вместе с тем, все же главной экономической причиной создания интеграционных объединений является обеспечение своим компаниям, прежде всего обрабатывающей промышленности и финансовому сектору, гарантированного спроса на свою продукцию и услуги для более полного использования эффекта масштаба производства и повышения конкурентоспособности

²⁶ Кнобель А. Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.

²⁷ О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности. Аналитическая справка. Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 17.07.2013. – 26 с.; Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Новая индустриализация как условие формирования устойчивого экономического роста стран ЕАЭС // Мир перемен. 2015. № 3. С. 149–161; Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. Аналитическая записка. Российский совет по международным делам. Июнь 2017 г. – М.: РСМД, 2017. – 23 с.

²⁸ Согласно Решению Коллегии ЕЭК от 14 ноября 2017 г. № 152 «Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения» были даны следующие определения:

- «барьеры» – препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, не соответствующие праву Союза;
- «изъятия» – предусмотренные правом Союза исключения (отступления) в части неприменения государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка Союза;
- «ограничения» – препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, возникшие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза.

На конец 2018 г. в официальный реестр ЕЭК было включено 70 препятствий, в т.ч. 56 препятствий в России (9 барьеров, 10 изъятий и 37 ограничений), 50 – в Казахстане (5 барьеров, 10 изъятий и 35 ограничений), 49 – в Белоруссии (5 барьеров, 9 изъятий и 35 ограничений) и по 47 – в Армении (4 барьера, 8 изъятий и 35 ограничений) и Киргизии (4 барьера, 8 изъятий и 35 ограничений) (Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза. Портал общих информационных ресурсов и открытых данных Евразийской экономической комиссии, декабрь 2018. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx> (дата обращения – 28.12.2018)).

этих компаний, а следовательно и экономик стран, формирующих интеграционное объединение, в международном разделении труда. При этом, мы можем выделить несколько возможных форматов интеграции в мировую экономику через ЕАЭС: (1) специализация на экспорте невозобновляемых природных ресурсов и продукции сельского хозяйства; (2) специализация на экспорте продуктов переработки невозобновляемых природных ресурсов и на пищевых продуктах; (3) включение в глобальные цепочки добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, контролируемые извне; (4) создание собственных цепочек добавленной стоимости внутри Союза в отраслях обрабатывающей промышленности, где еще имеются конкурентные преимущества; (5) производство собственной конкурентоспособной продукции внутри стран Союза без производственной кооперации. Указанные форматы интеграции определяют место государства в международном разделении труда в рамках концепции цепочки добавленной стоимости,²⁹ в соответствии с которой предпочтительным является контроль той части цепочки, где создается наибольшая добавленная стоимость.³⁰ При этом развитие промышленности в форматах (4) и (5) в значительной степени ограничивается размером рынка страны и инновационным потенциалом экономики.³¹

Фактически перестройка промышленности в ННГ после распада СССР происходила в пользу обрабатывающей промышленности стран Европейского союза, а позднее – Китая, что и выразилось в увеличении импорта товаров из них. В результате таких трансформаций производственные возможности России к концу 1990-х гг. сузились в основном до формата (1), причем сельское хозяйство активно развивается только после введения Правительством Российской Федерации в 2014 г. контрсанкций против ряда западных государств, а возрождение промышленности в формате (2) и частично (для отдельных отраслей хозяйства) в формате (3), (4) и (5) стало возможным только во второй половине 2000-х гг. в связи с активизацией промышленной политики.³² Белоруссия в значительной степени сохранила промышленный потенциал, обеспечив себе поддержку России, что позволило ей продолжать специализироваться в формате (2) и (4). Конкурентным преимуществом Казахстана являлось наличие развитой после СССР горнодобывающей промышленности, что при относительно небольшом населении позволило обеспечить экономический рост в 2000-2010 гг. преимущественно в формате (1).³³ Специализация Армении и Киргизии также ограничивалась фактически форматом (1), но с присоединением к ЕАЭС стала диверсифицироваться в сторону форматов (2) и (4).³⁴

²⁹ Gereffi G. Shifting Governance Structures in Global Commodity Chains, With Special Reference to the Internet // American Behavioral Scientist. June 2001. Vol. 44, No. 10, pp. 1616-1637; Humphrey J., Schmitz H. Governance and Upgrading: Linking Industrial Cluster and Global Value Chain Research. IDS Working Paper №120, 2000. – 37 p.; Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? Regional Studies. Vol. 36, No.9, pp. 1017-1027;

³⁰ Kaplinsky R. Spreading the Gains from Globalization: What Can Be Learned from Value-Chain Analysis? Problems of Economic Transition. 2004. Vol. 47, No. 2, pp. 74-115; Reinert E. How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. Constable&Robinson, London, 2008. 400 p.; Пилтченко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Москва-Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.

³¹ Гохберг Л. М. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. 2003. №3. С. 26-44; Инновационное развитие России: проблемы и решения / Авт. колл. Абдикеев Н. М., Бобылев Г. В., Богачев Д. Ю., Богачев Ю. С., Бунатян Г. З. и др.; под ред. М. А. Эскиндарова, С.Н. Сильвестрова. — М.: 2014. Изд. 2-е, перераб. и доп. – 1376 с.; Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и инициированных рисков и угроз / Авт. колл. Е. Б. Ленчук, Г. А. Власкин, В. А. Цветков, Е. Л. Логинов, А. А. Юрьева и др. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018.– с. 37-65; Пилтченко И. В. Новая геоэкономическая модель развития страны: повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов // «Безопасность Евразии». – 2003. №3. – С. 580-604; Пилтченко И. В. Региональная модель геоэкономической стратегии повышения конкурентоспособности России: перспективы развития региональных инновационных систем в Томской и Новосибирской областях. // «Безопасность Евразии». – 2005. №2. – С. 418-429; Борисов В. Н., Почукаева О. В. Инновационное развитие машиностроения // Проблемы прогнозирования. 2013. №1. С. 38-50.

³² Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России / Под ред. Е. Б. Ленчук. – СПб.: Издательство Алетейя, 2015. – 285 с.; Пилтченко И. В. Сравнительный анализ особенностей социально-экономического и институционального развития государств-членов Евразийского экономического союза // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. №11. Т.4(83). – С. 43-76.

³³ International Trade Centre, 2018. – URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c000%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения – 05.12.2018).

³⁴ Республика Армения: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. Аналитический доклад / Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2018. – 54 с.; Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. Аналитический доклад / Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2018. – 112 с.; International Trade Centre, 2018. – URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c000%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения – 05.12.2018).

Сентябрьский Отчет ЕЭК 2018 г. об исполнении Решения Евразийского межправительственного совета 2015 г. «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза»³⁵ выявил тенденцию сжатия ряда внутренних рынков компаний государств-членов ЕАЭС и значительные незадействованные мощности ввиду импорта из-за рубежа,³⁶ в связи с чем на повестку дня в ближайшем будущем неизбежно встанет вопрос о реструктуризации промышленности в пяти странах Союза. И при дальнейшей интеграции Евразийского экономического союза с Европейским союзом³⁷ и Китаем на пространстве Евразии ЕАЭС необходимо будет постоянно отвечать на вопрос – на каких условиях она будет происходить? Как свидетельствует опыт развития промышленности в странах Центрально-Восточной Европы после их присоединения к Европейскому союзу, в открытой конкуренции на рынке выигрывают обычно более крупные игроки.³⁸

Поэтому в текущей ситуации странам ЕАЭС необходимо как можно оперативнее объединить свои усилия для придания большего веса своей переговорной позиции с иностранными партнерами и обеспечить возможность самостоятельного развития тем отраслям промышленности, которые конкурентоспособны в мировой экономике, а для остальных перспективных, но в настоящее время убыточных предприятий – добиваться их включения в глобальные цепочки добавленной стоимости через создание совместных предприятий, привлечение иностранных инве-

сторов с оставлением как минимум блокирующего пакета акций в руках государства или местных инвесторов с целью последовательного повышения их конкурентоспособности и выхода на глобальные рынки сбыта своей продукции.

С другой стороны, наличие значительного объема неиспользуемых мощностей и нереализованный потенциал³⁹ региональной внутриотраслевой торговли,⁴⁰ которая как раз и должна являться следствием тесной промышленной кооперации, возможной в рамках интеграционного объединения, открывает перспективы для ускорения развития промышленности на базе внутреннего спроса, в т.ч. со стороны государства. Но для этого необходимо скорейшее устранение существующих на сегодня барьеров, изъятий и ограничений.⁴¹ С учетом того, что доминирование одной страны в интеграционном объединении (гелиоцентризм)⁴² в значительной степени затрудняет принятие коллективных решений в отличие от полицентризма, характерного, например, для Европейских сообществ в 1960-1980-х гг., в условиях ЕАЭС представляется целесообразным провести анализ затрат и выгод для каждой из стран-членов ЕАЭС для понимания последствий устранения препятствий для движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы с тем, чтобы власти стран могли себе четко представить масштаб необходимых изменений и обговорили компенсацию, если устранение препятствий ведет к определенным убыткам. Наличие такого списка затрат и выгод в отношении развития как промышленности и аг-

³⁵ Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Решение Евразийского межправительственного совета от 08.09.2015 г. №9. – 47 с.

³⁶ Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции. Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2018. – 119 с.

³⁷ Винокуров Е.Ю., Цукарев Т.В. Экономика ЕАЭС: повестка дня // Евразийская экономическая интеграция. 2015. №4. С. 7-21; Интеграция интеграций. Евразийский экономический союз и Европейский союз: возможности взаимодействия (по материалам Научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. Аналитический вестник №37(590) / Под общ. ред. В.Д. Кривова. – М.: Совет Федерации, 2015. – 71 с.; Лисоволик Я., Винокуров «Мега-сделка» Европейского и Евразийского союзов // Курсив.kz, 29.03.2016. – URL: <https://old.kursiv.kz/news/mirovaa-ekonomika/mega-sdelka-evropejskogo-i-evrazijskogo-souzov/> (дата обращения – 04.12.2018).

³⁸ См.: Deloitte. Central Europe Top 500. An Era of Digital Transformation. 2006-2016. Deloitte Central Europe, 2016. – 85 с. Те же тенденции были характерны и для финансового сектора – государства Центрально-Восточной Европы передали свои ведущие кредитные организации под контроль крупных западноевропейских банковских групп фактически в обмен на гарантию финансовой стабильности, что также отражалось на кредитном рейтинге страны и ее привлекательности для иностранных инвесторов.

³⁹ Гурова И. П., Ефремова М. Потенциал региональной торговли СНГ // Вопросы экономики. 2010. №7. С. 108-122.

⁴⁰ Krugman P. R. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade. *Journal of International Economics*. November 1979. Vol. 9, Issue 4, pp. 469-479; Krugman P.R. Intraindustry Specialization and the Gains from Trade. October 1981. Vol. 89, No. 5, pp. 959-873.

⁴¹ «Белая книга». Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2017. – 38 с.

⁴² Буторина О. В., Захаров А. В. О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. №2. – С. 52-68.

ропромышленного сектора, так и других отраслей хозяйства могло бы помочь ускорить процесс по устранению препятствий для формирования единого рынка стран-членов ЕАЭС. Помимо этого для упрощения процедуры принятия решений можно было бы обратиться к опыту Европейского союза в этом вопросе.

В ЕАЭС в настоящее время фактически существует три уровня контроля со стороны государств-членов за деятельностью исполнительных органов Союза (Коллегии Комиссии) – Высший Евразийский экономический совет в лице глав государств-членов, Евразийский межправительственный совет в составе глав Правительств, причем данный орган является нововведением по сравнению со структурой других интеграционных объединений в мире,⁴³ и Совет Комиссии в лице вице-премьеров (от каждой страны по одному заместителю Председателя Правительства). Как отмечает Комиссия в своем последнем Докладе о реализации основных направлений интеграции от 18 декабря 2018 г., в связи с расширением с 24 до 135 числа вопросов, отнесенных к компетенции Совета Комиссии, и сокращением количества вопросов, находящихся в компетенции Коллегии ЕЭК, повестка заседаний Совета ЕЭК оказывается сильно перегруженной (более 40 вопросов на одном заседании), что приводит к затягиванию процесса принятия решений.⁴⁴

В то же время в Евросоюзе (и ранее в Европейских сообществах) основным межгосударственным органом, принимающим нормативно-правовые акты ЕС (и единственным до наделения Европейского парламента нормотворческими функциями согласно Маастрихтскому договору 1992 г.) являлся Совет Европейских сообществ, ныне Совет Европейского союза, представляющий собой Совет министров в составе 10 различных конфигураций по сферам ответственности профильных министерств: (1) экономические и финансовые вопросы (Экофин), (2) сельское хозяйство и рыболовство (Агрифиш), (3) конкурентоспособность (КОМПЕТ), (4) общие вопросы, (5) внешнеполитические вопросы, (6) окружающая среда, (7) занятость, социальная политика, здравоохранение и права потребителей, (8) обра-

зование, молодежь, культура и спорт, (9) юстиция и внутренние дела, (10) транспорт, телекоммуникации и энергетика. Т.е. работа данного органа была организована по принципу «кто принимает решения в отношении государств-членов, тот их и реализует». Более того, высший в настоящее время политический орган Европейского союза – Европейский совет в лице глав государств – начал собираться на неформальные саммиты через 18 лет после подписания Римского договора 1957 г., заложившего основу Европейского экономического сообщества со свободным движением товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. А официальный статус Европейский совет получил только после вступления в силу Лиссабонского договора в конце 2009 г. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий основные коммуникации и принятие решений по вопросам в сфере компетенций Европейских сообществ/Европейского союза шли больше на рабочем уровне – на уровне профильных министров государств-членов, что в целом соответствует и прагматичной цели создания Евразийского экономического союза.

В связи с этим возможной альтернативой современной структуре Комиссии с Советом в лице вице-премьеров мог бы стать Совет министров, собирающийся по мере необходимости в разном составе по сферам компетенций ЕАЭС – по таможенному сотрудничеству, экономике и финансовой политике, техническому регулированию, по промышленности и агропромышленному комплексу и т.д., для принятия нормативно-правовых актов Союза по предложению Коллегии Комиссии. Делегирование принятия решений напрямую профильным министерствам позволило бы ускорить процедурный процесс и высвободить время вышестоящих органов ЕАЭС для обсуждения стратегических вопросов и позитивной повестки.

Одновременно с этим можно было бы усовершенствовать процедуру оценки регулирующего воздействия, которая пока имеет ряд изъятов и носит консультативный характер,⁴⁵ и обязать государства-члены ЕАЭС информировать Комиссию о законопроектах, затрагиваю-

⁴³ Капустин А. Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. №12. С. 98-107; Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. №4. С. 88-100.

⁴⁴ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2018. – С. 150-151.

⁴⁵ Трунина Е. В. К вопросу проведения оценки регулирующего воздействия решений Евразийской экономической комиссии на наднациональном и национальном уровнях // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91), С. 12–14.

щих сферу компетенции Союза. При наличии такого законопроекта ЕЭК должна иметь определенное время (несколько месяцев) для анализа воздействия предлагающихся изменений на внутренний рынок Союза и вынесения своего суждения относительно соответствия данных изменений законодательству ЕАЭС. Такой механизм позволил бы закрепить поступательное интеграционное движение и минимизировать возможность отката к прежним законодательным нормам.

Доступ на российский рынок мог бы в значительной степени решить проблемы экспортной диверсификации для Армении, Казахстана и Киргизии, как модернизация промышленности России и Белоруссии и углубление кооперации с партнерами по ЕАЭС – обеспечить расширение спроса на продукцию российских и белорусских предприятий, однако вопрос модернизации производственных мощностей упирается в *пятью проблему – недостаточные объемы финансирования обрабатывающей промышленности, которые не позволяют обновить производственные фонды, необходимые для выпуска новой продукции*. Так, по данным ЕЭК степень износа машин и оборудования находится на уровне 80% – в Армении и Казахстане, 78% – в Белоруссии, 84% – в Киргизии, и в России, где в последние годы Правительство страны успешно реализует ряд программ по перевооружению производств – на уровне 50%.⁴⁶

На фоне таких масштабных потребностей в финансировании пока весьма скромно выглядит деятельность Евразийского банка развития (ЕАБР), созданного в 2006 г. для финансирования инвестиционных проектов с интеграционным потенциалом в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). По состоянию на конец 2017 г. общий объем инвестиций с момента создания ЕАБР составил 6,1

млрд долл., при этом объем текущего портфеля в Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, России и Таджикистане снизился с 3,9 млрд долл. в 2013 г. до 2,3 млрд долл. в 2017 г., а операционные активы (балансовый портфель) также имели тенденцию к снижению, достигнув к концу отчетного года показателя 1,6 млрд долл.⁴⁷ В 2017 г. ЕАБР подписал 16 проектов на общую сумму 642 млн долл., а в течение 2018-2022 гг. планируется подписать операции с объемом инвестиций в 4,6 млрд долл. при увеличении портфеля к концу 2022 г. до 3,6 млрд долл.⁴⁸ Также ЕАБР является Управляющим средств созданного в 2009 г. Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР) объемом 8,5 млрд долл., который помимо основной задачи – выделения суверенных финансовых кредитов для поддержки антикризисных и стабилизационных программ – может также предоставлять инвестиционные кредиты для финансирования проектов, имеющих интеграционный характер и гранты на социальные проекты. По состоянию на конец 2017 г. объем выделенного ЕФСР финансирования составил 520 млн долл. в 7 проектах.⁴⁹

Для сравнения – например, портфель Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) только в Армении, Белоруссии, Казахстане и Киргизии к концу 2017 г. достиг 3,6 млрд евро, а объем подписанных проектов в этих четырех республиках за 2017 г. составил 846 млн евро.⁵⁰ В том же году Азиатский банк развития (АБР) подписал в Армении, Казахстане и Киргизии суверенных проектов на общую сумму 406 млн долл. при том, что общий объем инвестиций в этих странах за все время работы организации составил 8,1 млрд долл.⁵¹ В свою очередь Исламский банк развития (ИБР) одобрил в Казахстане и Киргизии в 2017 г. новые операции на общую сумму

⁴⁶ Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции. Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭС, 2018. – С. 65.

⁴⁷ Евразийский банк развития. Годовой отчет 2017. – Алматы: ЕАБР, 2018 – 100 с.

⁴⁸ Стратегия Евразийского банка развития с 2018 по 2022 г. – Алматы: ЕАБР, 2017. – 56 с. – URL: <https://eabr.org/upload/iblock/298/UTVERZHDENNAYA-STRATEGIYA-EABR-NA-PERIOD-S-2018-PO-2022-GOD.PDF> (дата обращения – 29.12.2018).

⁴⁹ Евразийский фонд стабилизации и развития. Проекты. ЕФСР, 2018. – URL: <https://efsd.eabr.org/projects/> (дата обращения – 29.12.2018).

⁵⁰ European Bank for Reconstruction and Development. Annual Review 2017. London, EBRD, 2018. 16 p. – URL: <https://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/pdf-annual-report-2017-english.pdf?blobnocache=true> (дата обращения – 29.12.2018).

⁵¹ Рассчитано автором по данным: Armenia. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27749/arm-2017.pdf> (дата обращения - 28.12.2018); Kazakhstan. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/59608/kaz-2017.pdf> (дата обращения - 28.12.2018); Kyrgyz Republic. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p.

466 млн долл.⁵² Конечно, объем инвестиций зависит от размера уставного капитала международной финансовой организации (ЕАБР – 1,5 млрд долл. оплаченного капитала и 5,5 млрд долл. – капитал по требованию; ЕБРР – 6,2 млрд евро и 23,5 млрд евро; АБР – 7,6 млрд долл. и 143,6 млрд долл.; ИБР – 7,7 млрд долл. и 58,7 млрд долл. соответственно,) и кредитного рейтинга (по шкале S&P: ЕАБР – «ВВВ-»; ЕБРР – «ААА»; АБР – «ААА»; ИБР – «ААА»). Однако, надо иметь в виду и гораздо более широкую географию инвестиционной деятельности ЕБРР, АБР и ИБР по сравнению с ЕАБР – 57 стран операций у ИБР, 39 – у АБР, 38 – у ЕБРР и только шесть стран операций у ЕАБР.

В связи с этим, также необходимо упомянуть, что кандидатура ЕАБР не была согласована в 2013-2014 гг. членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для создания на его базе Банка развития ШОС.⁵³ В результате для реализации своей инициативы «Один пояс и один путь» Китай создал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который начал деятельность в 2016 г. и на конец 2017 г. уже осуществил 4,22 млрд долл. инвестиций в 23 проектах в 12 странах. При этом количество стран-акционеров АБИИ достигло 84-х, из которых 57 оплатили свою долю в капитале и уже были представлены в Совете управляющих и Совете директоров организации (Российская Федерация является третьим крупнейшим акционером АБИИ),⁵⁴ в то время как в ЕАБР количество членов организации (шесть стран) с 2011 г. не изменялось. Со своей стороны Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР (страны БРИКС) создали в 2014 г. Новый банк развития с равными долями в уставном капитале.

В условиях такой активной работы в регионе ЕАЭС международных банков развития, у которых в мандате нет указаний на развитие интеграции в формате Союза, полагаем важным активизировать деятельность ЕАБР и ЕФСР с тем, чтобы решения о выделении приоритетов и осуществлении все большего объема инвестиций принимались государствами-членами ЕАЭС в интересах именно евразийской интеграции, а не центров принятия решений за рубежом. В этой

связи представляется полезным опыт Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), созданного странами-членами Европейских сообществ (ЕС) в 1958 г. для осуществления инвестиций в соответствии с приоритетами ЕС. К 2017 г. ЕИБ стал крупнейшей международной финансовой организацией с годовым общим объемом инвестиций в рамках подписанных проектов в 69,9 млрд евро, включая 7,3 млрд евро в проектах за пределами Евросоюза.⁵⁵ Также перевод существенной финансовой помощи, оказываемой Российской Федерацией странам-партнерам по ЕАЭС, из скрытого субсидирования (в форме нефтегазовых трансфертов и др.) в формат сотрудничества через международный финансовый институт, предоставляющий своим акционерам-странам операций кредиты, гарантии, инвестиции в капитал и техническое содействие, будет способствовать как повышению прозрачности и доверию в двусторонних отношениях между государствами, так и узнаваемости этого института развития и бренда Союза в целом среди населения пяти стран.

Основные выводы

1) Несмотря на утверждение в октябре 2015 г. Высшим Евразийским экономическим советом приоритетных направлений развития ЕАЭС и создание «Собственного центра силы» в мировом хозяйстве как оптимального сценария развития организации, к 2017 г. ЕЭК признавала, что Союз продолжает развиваться согласно наименее благоприятному сценарию «Продленный статус-кво». В начале декабря 2018 г. Высший Евразийский экономический совет принял Декларацию о дальнейшем развитии интеграционных процессов, но ЕЭК в своем декабрьском докладе констатировала, что в реальности темпы евразийской экономической интеграции по факту оказывались ниже запланированных.

2) После распада СССР и либерализации внешнеэкономической деятельности Евросоюз стал основным торговым партнером России с долей в экспорте страны доходившей до 61% и в импорте – до 50%, причем на 2017 г. доля ЕС-28 в 4,9 раза превышала долю ЕАЭС в российском экспорте и в 5,1 раза – в импорте. Весьма интенсивно развивались торговые связи стран-членов

⁵² Islamic Development Bank. Together We Build a Better Future. Digest an Essential Guide to the 2017 Annual Report. Jeddah, IDB, 2018. 16 p.

⁵³ Евразийский экономический союз / Под ред. Е.Ю. Винокурова / Е.Ю. Винокуров, Д.А. Коршунов, В.С. Перебоев, Т.В. Цукарев. – Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. – С. 93.

⁵⁴ Financing Asia's Future. 2017 AIB Annual Report and Financials. Beijing, AIB, 2018. 97 p.

⁵⁵ European Investment Bank. Statistical Report 2017. Luxembourg, EIB, 2018. 72 p. – URL: <http://www.eib.org/attachments/general/reports/st2017en.pdf> (дата обращения – 29.12.2018).

ЕАЭС с Китаем, причем они носили несбалансированный характер в пользу более значительного увеличения импортных поставок из Китая. Товарооборот Казахстана отличается значительным дисбалансом – доминированием стран Евросоюза и Китая в экспортных поставках и России – в импорте страны. Особенностью экономики Белоруссии является ее наиболее тесная среди ННГ интеграция с Россией, которая в 1992-2017 гг. только упрочилась. Торговля Армении товарами достаточно диверсифицирована, при этом Россия осталась крупнейшим торговым партнером, на которую приходится до четверти экспорта страны и до 30% импорта. Во внешней торговле Киргизии к настоящему времени ключевую роль играют четыре страны – Россия, Казахстан, Китай и Швейцария.

3) После четырех лет интеграции в рамках ЕАЭС торговые связи между государствами-членами Союза, несмотря на некоторую активизацию взаимного товарооборота, по-прежнему характеризуются крайней асимметричностью, которая в т.ч. обусловлена размером экономик пяти стран. Россия является крупнейшей страной-экспортером для Армении, Белоруссии и Казахстана, и крупнейшим импортером – для первых двух (для Казахстана – четвертой страной), а для Киргизии – вторым крупнейшим экспортером и третьим импортером. Однако для России из четырех республик в товарообороте существенную роль играют только Белоруссия (третий импортер и четвертый экспортер продукции в Россию) и Казахстан (седьмой импортер и 11-ый экспортер). Остальные республики за исключением пары Казахстан-Киргизия слабо связаны между собой торговыми связями. В целом, исходя из объемов товарооборота, негативного сальдо торговли и небольшой доли в экспорте и импорте России, именно Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия должны быть в первую очередь заинтересованы в углублении связей с Российской Федерацией в рамках ЕАЭС для получения более полного доступа на емкий российский рынок.

4) Вместе с тем, на рынке товаров стран ЕАЭС Россия объективно уже давно не является единственным крупным игроком. За последние 25 лет на этот рынок вышли Германия, Китай, США, а также Турция, Великобритания, Италия, Нидерланды и Швейцария. Эти страны и Евросоюз, где ведущую роль играет Германия, имеют отлаженную систему продвижения своих интересов в государствах-членах ЕАЭС. В связи с этим реализация инициатив по дальнейшей интеграции в рамках Союза будет сопровождаться

(контр)действиями со стороны внешних игроков, так как им выгоднее договариваться со странами, входящими в ЕАЭС, на двусторонней основе, чем иметь дело с согласованной позицией группы из пяти стран.

5) В списке ведущих импортеров российских услуг Евросоюз опережает страны ЕАЭС на 2017 г. в 5,1 раза, по экспорту в Россию – в 11,7 раза. В десятку крупнейших импортеров услуг входят Швейцария, США, Германия, Великобритания, Франция, Кипр, Китай и только на восьмом месте идет Казахстан, а на 10-м – Белоруссия. В последние пять лет наблюдается увеличение доли ЕАЭС в экспорте и импорте на 1%, что может являться следствием углубления интеграционных процессов в рамках Союза.

6) В течение 2007-2017 гг. доля стран ЕАЭС в ежегодных российских потоках ПИИ за рубеж достигала в среднем 3,7%. Во входящих потоках ПИИ в Россию доля стран Союза составляет 0,3%. Из государств, входящих в ЕАЭС наиболее активно российские компании осуществляли инвестиции в Белоруссии и Казахстане. Вне Союза основное внимание российских инвесторов было сосредоточено на наиболее крупных экономиках – Украине и Узбекистане, а также на Латвии. Доля ЕАЭС в накопленных российских инвестициях равнялась 2,2% и 1,2% – от накопленных иностранных инвестиций в России. Основной объем накопленных инвестиций в рамках ЕАЭС приходится на российских инвесторов (78%), и обмен осуществляется в основном между Россией (19% от объема взаимных накопленных ПИИ), Казахстаном (31%) и Белоруссией (32%). Тем не менее, Армения и Киргизия получили 13% и 5% ПИИ, что во много раз больше их доли в совокупном ВВП пяти стран.

7) Еще до формирования Союза в рамках предыдущих интеграционных форматов между странами-членами ЕАЭС значительное движение трудовых ресурсов уже имело место (количество мигрантов в России из Армении соответствовало в 2013 г. 36% людей в трудоспособном возрасте в республике, 28% – в Казахстане, 23% – в Киргизии и 14% – в Белоруссии). В последние четыре года после образования Союза количество мигрантов в России из четырех республик и объем денежных переводов изменились весьма незначительно. Семь из 15 республик быв. СССР сформировали к началу-середине 2000-х гг. экономическую модель, где важным фактором поддержания внутреннего спроса и социальной стабильности являются денежные переводы мигрантов из-за рубежа, в т.ч. из стран ЕАЭС – это Киргизия и Армения.

8) Мы выделили несколько взаимосвязанных узловых проблем ЕАЭС на современном этапе:

– Объективные и текущие временные ограничения внутреннего спроса в государствах-членах ЕАЭС, ограничивающие потенциал экономического роста всего интеграционного объединения, в т.ч. естественная убыль населения в трех странах, в которых проживает 87% населения Союза, и медленные темпы прироста ВВП России. Естественный прирост населения в Казахстане и Киргизии обеспечивает прирост на уровне лишь 0,33% от общего населения пяти стран.

– До сих отсутствует единое видение будущего Союза в долгосрочной перспективе, причем это касается как развития интеграции внутри ЕАЭС, так и положения Союза в мировой экономике на горизонте полутора-двух десятилетий. Необязательность реализации приоритетного сценария «Собственный центр силы» в рамках Основных направлений экономического развития ЕАЭС подчеркивается рекомендательным характером документа. Для повышения привлекательности, усиления веса ЕАЭС в мировой экономике и придания динамики его развитию необходимо более четко обозначить перспективы, в т.ч. в части возможности расширения членства в организации.

– Доминирование по объективным социально-экономическим показателям России в ЕАЭС вызывает у других стран-членов ЕАЭС опасения относительно своего суверенитета по мере углубления интеграционных процессов, хотя история предыдущих десятилетий показывает полную поддержку России независимости ННГ. Ассиметричность во взаимоотношениях между Российской Федерацией/РСФСР и другими республиками быв. СССР существовала всегда, причем донором в рамках такого формата всегда выступала именно Россия. Малым странам в рамках ЕАЭС можно рассмотреть западноевропейский подход, согласно которому хорошо продуманная передача части суверенных прав наднациональным институтам и международным организациям как раз и позволяет малым/меньшим по размеру населения и экономики странам принимать непосредственное участие в переговорном процессе крупных государств и добиваться более полного учета своей позиции по экономическим вопросам повестки дня.

– Значительная степень дезинтеграции после 1991 г., выражающаяся в ослаблении торгово-экономических связей между нынешними

членами Союза за последние 27 лет, отсутствию координации между властями стран в проведении экономической политики, государственной политики в сфере технического регулирования и др., на что указывает наличие значительного количества препятствий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках Союза. Государства-члены ЕАЭС находились на периферии основных бизнес-интересов России, которая оставалась, тем не менее, ключевым торговым партнером для каждой из четырех республик. Единственным фактором производства, в значительной степени укрепляющим интеграцию до настоящего времени, являлась миграция рабочей силы между странами Союза (в основном в Россию). Для придания большего веса своей переговорной позиции странам ЕАЭС необходимо как можно оперативнее объединить свои усилия и обеспечить возможность самостоятельного развития тем отраслям промышленности, которые конкурентоспособны в мировой экономике, а для остальных перспективных, но в настоящее время убыточных предприятий – добиваться их включения в глобальные цепочки добавленной стоимости с целью последовательного повышения их конкурентоспособности и выхода на глобальные рынки сбыта своей продукции. Также представляется целесообразным провести анализ затрат и выгод для каждой из стран-членов ЕАЭС для понимания последствий устранения препятствий для движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы с тем, чтобы ускорить интеграционный процесс. Возможной альтернативой современной структуре Комиссии с Советом в лице вице-премьеров мог бы стать Совет министров, собирающийся по мере необходимости в разном составе по сферам компетенций ЕАЭС – по таможенному сотрудничеству, экономике и финансовой политике, техническому регулированию и т.д., для принятия нормативно-правовых актов Союза по предложению Коллегии Комиссии. Кроме того, при подготовке законопроектов в странах-членах ЕАЭС, затрагивающих сферу компетенции Союза, ЕЭК должна иметь определенное время для анализа воздействия предлагающихся изменений на внутренний рынок Союза и вынесения своего суждения относительно соответствия данных изменений законодательству ЕАЭС.

– Недостаточные объемы финансирования обрабатывающей промышленности пока не позволяют обновить производственные фонды, необходимые для выпуска новой продукции. На фоне масштабных потребностей в финансировании пока весьма скромно выглядит деятельность

ЕАБР, которого по инвестиционной активности в регионе ЕАБР обгоняют как ЕБРР, АБР, ИБР, существующие дольше, чем ЕАБР, так и созданный два года назад АБИИ. В условиях активной работы в регионе Союза международных банков развития важным было бы активизировать деятельность ЕАБР и ЕФСР с тем, чтобы решения по определению приоритетов и осуществлению большего объема инвестиций принимались государствами-членами ЕАЭС в интересах именно евразийской интеграции, а не центров принятия решений за рубежом.

Евразийскому экономическому союзу необходимы четкое целеполагание, ясная стратегия развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу, наличие конкретного плана действий, развитая инфраструктура поддержки государств-членов ЕАЭС и достаточные финансовые ресурсы для развития. Только системный подход к решению имеющихся сложных вопросов позволит Союзу стать «Собственным центром силы» в мировой экономике, производящим конкурентоспособную продукцию и создающим условия для привлечения инноваций, инвестиций и высококвалифицированных кадров.

Список литературы

1. Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 г. № 28. 28 с.
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (подписана главами государств-членов ЕАЭС 06.12.2018, г. Москва). 8 с.
3. Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Решение Евразийского межправительственного совета от 08.09.2015 г. № 9. 47 с.
4. Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14.11.2017 г. № 152. 7 с.
5. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2018. 154 с.
6. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразий-

- ского экономического союза в 2017 году» / Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2018. 90 с.
7. Доклад о ходе реализации Основных направлений экономического развития ЕАЭС по итогам 2015–2016 гг., включая результаты анализа экономического развития интеграционного объединения в 2010–2014 гг. / Евразийская экономическая комиссия. – М.: ЕЭК, 2017. 178 с.
8. Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. Аналитический доклад / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2018. 112 с.
9. Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции. Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2018. 119 с.
10. Республика Армения: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. Аналитический доклад / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2018. 54 с.
11. Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза. Портал общих информационных ресурсов и открытых данных Евразийской экономической комиссии, декабрь 2018. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx> (дата обращения – 28.12.2018)
12. *Алексеев Е. С.* ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск / 2017 / Под ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 92 с.
13. *Байльдинов Е.* Договор о Евразийском экономическом союзе: как оправдать надежды? // Общество и экономика. 2014. № 9. С. 5–21.
14. «Белая книга». Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2017. 38 с.
15. *Борисов В. Н., Почукаева О. В.* Инновационное развитие машиностроения // Проблемы прогнозирования. 2013. №1. С. 38–50.
16. *Буторина О. В., Захаров А. В.* О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2. С. 52–68.
17. *Вардомский Л. Б., Пылин А. Г.* Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг.: тенденции и перспективы // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 102–115.

18. *Винокуров Е. Ю., Цукарев Т. В.* Экономика ЕАЭС: повестка дня // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 4. С. 7–21.
19. Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России / Под ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Издательство Алетей, 2015. 285 с.
20. Внешняя торговля Российской Федерации услугами по основным странам-партнерам, Банк России, 2018. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (дата обращения – 09.12.2018).
21. *Гохберг Л. М.* Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. 2003. №3. С. 26–44.
22. *Гурова И. П., Ефремова М.* Потенциал региональной торговли СНГ // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 108–122.
23. Евразийский банк развития. Годовой отчет 2017. Алматы: ЕАБР, 2018. 100 с.
24. Евразийский экономический союз / Под ред. Е.Ю. Винокурова / Е.Ю. Винокуров, Д.А. Коршунов, В.С. Перебоев, Т.В. Цукарев. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
25. Евразийский фонд стабилизации и развития. Проекты. ЕФСР, 2018. – URL: <https://efsd.eabr.org/projects/> (дата обращения – 29.12.2018).
26. *Ефременко Д. В.* Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 29–41.
27. *Зиядуллаев Н. С.* Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т.11. № 15(300). С. 2–19.
28. Инновационное развитие России: проблемы и решения / Авт. колл. Абдикеев Н.М., Бобылев Г.В., Богачев Д.Ю., Богачев Ю.С., Бунатян Г.З. и др.; под ред. М.А. Эскиндарова, С.Н. Сильвестрова. М.: Финансовый университет, 2014. Изд. 2-е, перераб. и доп. 1376 с.
29. Интеграция интеграций. Евразийский экономический союз и Европейский союз: возможности взаимодействия (по материалам Научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. Аналитический вестник №37(590) / Под общ. ред. В.Д. Кривова. М.: Совет Федерации, 2015. 71 с.
30. *Капустин А. Я.* Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.
31. *Кирт Р.* Наступление новой эры в конце столетия. Малые государства в эпоху глобализации // Internationale Politik, пер. с франц. 1998. № 5. С. 37–43.
32. *Кнобель А. Ю.* Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.
33. Координированное обследование прямых инвестиций. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию/Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж, Банк России, 2018. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/CDIS/CDIS_Inw_18.xlsx ; http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/CDIS/CDIS_Out_18.xlsx (дата обращения – 12.12.2018).
34. *Кузьмина Е. М.* Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. Аналитическая записка. Российский совет по международным делам. Июнь 2017 г. М.: НП РСМД, 2017. 23 с.
35. *Ленчук Е. Б., Филатов В. И.* Новая индустриализация как условие формирования устойчивого экономического роста стран ЕАЭС // Мир перемен. 2015. № 3. С. 149–161.
36. *Лисоволик Я. Д., Винокуров Е. Ю.* «Мегаделка» Европейского и Евразийского союзов // Курсив.kz, 29.03.2016. – URL: <https://old.kursiv.kz/news/mirovaa-ekonomika/megadelka-evropejskogo-i-evrazijskogo-souzov/> (дата обращения – 04.12.2018).
37. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. / Авт. колл. А. В. Кузнецов, К. А. Гемужева, Ю. Д. Квашнин, А. А. Невская, А. А. Макарова, А. С. Четверикова, Т. В. Цукарев. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 60 с.
38. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
39. О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности. Аналитическая справка. Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 17.07.2013. 26 с.
40. *Пилипенко И. В.* Динамика экономического развития и эволюция основных направлений

- внешней торговли постсоветских республик // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 12. Т.9(94). С. 12–38.
41. *Пилипенко И. В.* Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. Москва-Смоленск: Ойкумена, 2005. 496 с.
 42. *Пилипенко И. В.* Малые страны Западной Европы: особенности развития и место в международном разделении труда // Известия Академии Наук. Серия географическая. 2001. №3. С. 29–41.
 43. *Пилипенко И. В.* Новая геоэкономическая модель развития страны: повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов. // «Безопасность Евразии». 2003. № 3. С. 580–604.
 44. *Пилипенко И. В.* Проблемы мирохозяйственной типологии малых стран мира. // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. 2002. № 4. С. 33–38.
 45. *Пилипенко И. В.* Региональная модель геоэкономической стратегии повышения конкурентоспособности России: перспективы развития региональных инновационных систем в Томской и Новосибирской областях. // «Безопасность Евразии». 2005. № 2. С. 418–429.
 46. *Пилипенко И. В.* Сравнительный анализ особенностей социально-экономического и институционального развития государств-членов Евразийского экономического союза // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 11. Т.4(83). С. 43–76.
 47. *Пищик В. Я., Звонова Е. А.* Институциональные аспекты регулирования валютно-финансовых отношений в Евразийском экономическом союзе // Вестник Финансового университета. 2014. № 6. С. 92–100.
 48. *Покидаев Д.* «Один путь» казахстанской нефти – в Китай // «Курсив» (Kursiv.kz), республиканский деловой еженедельник, 14.09.2018. – URL: <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2018-09/odin-put-kazakhstan-skoj-nefti-v-kitaj> (дата обращения - 04.12.2018).
 49. Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж. Операции по инструментам и странам-партнерам, Банк России, 2018. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls (дата обращения: 12.12.2018).
 50. *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // «Известия», 3 октября 2011 г. – URL: <https://iz.ru/news/502761> (дата обращения – 02.11.2018).
 51. *Скриба А. С.* Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. 2016. Т.11. № 3. С. 67–81.
 52. Стратегия Евразийского банка развития с 2018 по 2022 г. Алматы: ЕАБР, 2017. 56 с.
 53. *Тимофеев О. А.* Российско-китайские и многосторонние интеграционные проекты и их влияние на развитие Дальнего Востока // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. № 20. С. 229–241.
 54. *Трунина Е. В.* К вопросу проведения оценки регулирующего воздействия решений Евразийской экономической комиссии на наднациональном и национальном уровнях // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91), С. 12–14.
 55. Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и инициированных рисков и угроз / Авт. колл. Е.Б. Ленчук, Г.А. Власкин, В.А. Цветков, Е.Л. Логинов, А.А. Юрьева и др. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 752 с.
 56. *Шумилов В. М., Боклан Д. С., Лифшиц И. М.* Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе // Российский внешне-экономический вестник. 2015. № 4. С. 88–100.
 57. Armenia. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27749/arm-2017.pdf> (дата обращения - 28.12.2018).
 58. *Boughton J. M.* Tearing Down Walls. The International Monetary Fund 1990-1999. International Monetary Fund, Washington, D.C., 2012. 1136 p.
 59. Deloitte. Central Europe Top 500. An Era of Digital Transformation. 2006–2016. Deloitte Central Europe, 2016. 85 с.
 60. European Bank for Reconstruction and Development. Annual Review 2017. London, EBRD, 2018. 16 p. – URL: <https://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/pdf-annual-report-2017-english.pdf?blobnocache=true> (дата обращения – 29.12.2018).
 61. European Investment Bank. Statistical Report 2017. Luxembourg, EIB, 2018. 72 p. – URL: <http://www.eib.org/attachments/general/reports/st2017en.pdf> (дата обращения – 29.12.2018).
 62. *Gaidar Ye. T.* A Political Decision. Comparative Economic Studies. 2002. Vol. 44, No. 4

- (Winter), pp. 31–35. – URL: <https://www.iep.ru/en/publications/publication/2141.html> (дата обращения - 12.12.2018).
63. Gereffi G. Shifting Governance Structures in Global Commodity Chains, With Special Reference to the Internet // *American Behavioral Scientist*. June 2001. Vol. 44, No. 10, pp. 1616–1637.
64. Financing Asia's Future. 2017 AIIB Annual Report and Financials. Beijing, AIIB, 2018. 97 p.
65. Havrylyshyn O., Al-Atrash H. Opening up and Geographic Diversification of Trade in Transition Economies. IMF Working Paper No.98/22. International Monetary Fund, Washington, D.C., 1998. 27 p.
66. Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? *Regional Studies* Vol. 36, No.9, pp. 1017-1027.
67. Humphrey J., Schmitz H. Governance and Upgrading: Linking Industrial Cluster and Global Value Chain Research. IDS Working Paper №120, 2000. – 37 p.
68. Islamic Development Bank. Together We Build a Better Future. Digest an Essential Guide to the 2017 Annual Report. Jeddah, IDB, 2018. 16 p.
69. Kazakhstan. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/59608/kaz-2017.pdf> (дата обращения - 28.12.2018).
70. Kaplinsky R. Spreading the Gains from Globalization: What Can Be Learned from Value-Chain Analysis? *Problems of Economic Transition*. 2004. Vol. 47, No. 2, pp. 74-115.
71. Krugman P. R. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade. *Journal of International Economics*. November 1979. Vol. 9, Issue 4, pp. 469-479.
72. Krugman P. R. Intraindustry Specialization and the Gains from Trade. October 1981. Vol. 89, No. 5, pp. 959-873.
73. Kyrgyz Republic. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/59620/kgz-2017.pdf> (дата обращения - 28.12.2018).
74. Migration and Remittances Data, The World Bank, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения – 10.11.2018).
75. Odling-Smee J. C., Wolf A. Financial Relations Among Countries of the Former Soviet Union. IMF Economic Reviews. Vol. 1. International Monetary Fund, Washington, D.C., 1994. 54 p.
76. Olcott M. B., Åslund A., Garnett Sh. W. Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States. Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C., 1999. 268 p.
77. Reinert E. How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. Constable&Robinson, London, 2008. 400 p.
78. The Direction of Trade Statistics (IMF), International Monetary Fund, Washington, D.C., 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D-6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения – 05.12.2018).

References

1. A Coordinated Survey of Direct Investments. Direct Investments into the Russian Federation/ Direct Investments from the Russian Federation abroad, The Bank of Russia, 2018. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/CDIS/CDIS_Inw_18.xlsx ; http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/CDIS/CDIS_Out_18.xlsx (accessed – 12.12.2018).
2. About Main Directions of Economic Development of the Eurasian Economic Union. The Decision of the Supreme Eurasian Economic Council as of 16.10.2015, No.28. 28 p.
3. About Main Directions of Industrial Cooperation within the Eurasian Economic Union. The Decision of the Eurasian Intergovernmental Council as of 08.09.2015, No.9. 47 p.
4. About the Approval of a Methodology on Division of Impediments on the Internal Market of the Eurasian Economic Union into Barriers, Derogations and Restrictions. The Decision of the Collegium of the Eurasian Economic Commission as of 14.11.2017, No.152. 7 p.
5. About the Results of an Analysis of National Programmes of Belarus, Kazakhstan and Russia in the Sphere of Industry. An Analytical Note. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 17.07.2013. 26 p.
6. Alekseenkova Ye.S. (2017). The EAEU by 2025: Priorities and Expectations of the Member States. In “The Development Perspectives of the project EAEU by 2025”. The Workbook. Special Issue 2017. / Edited by I.S. Ivanov; the Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: RIAC, 2017. 92 p.
7. Armenia. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27749/arm-2017.pdf> (accessed – 28.12.2018).

8. Bayldinov Ye. (2014). The Treaty of the Eurasian Economic Union: How to Meet Expectations? *Obschestvo i ekonomika*. No.9, pp. 5-21.
9. Borisov V.N., Pochukaeva O.V. (2013). The Innovative Development of Machine Building. *Studies on Russian Economic Development*. No.1, pp. 38-50.
10. Boughton J.M. (2012). Tearing Down Walls. The International Monetary Fund 1990-1999. Washington, D.C.: International Monetary Fund. 1136 p.
11. Butorina O.V., Zakharov A.V. (2015). About the Scientific Background of the Eurasian Economic Union. *Eurasian Economic Integration*. No.2, pp. 52-68.
12. Declaration about Further Development of Integration Processes within the Eurasian Economic Union (Signed by the Heads of Member States of the EAEU on 06.12.2018, the City of Moscow. 8 p.
13. Deloitte. Central Europe Top 500. An Era of Digital Transformation. 2006-2016. Deloitte Central Europe, 2016. – 85 c.
14. Direct Investments from the Russian Federation abroad. Operations by Instruments and Partner States, The Bank of Russia, 2018. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls (accessed – 12.12.2018).
15. Efremenko D.V. (2018). Aligning the Chinese Initiative “the Silk Road Economic Belt” and the Integration Project “the Eurasian Economic Union” in the Context of Transformation of the Modern World Order. *China in the World and Regional Politics. History and Nowadays*. No.23, pp. 29-41.
16. European Bank for Reconstruction and Development. Annual Review 2017. London: EBRD, 2018. 16 p. – URL: <https://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/pdf-annual-report-2017-english.pdf?blobnocache=true> (accessed – 29.12.2018).
17. European Investment Bank. Statistical Report 2017. Luxembourg: EIB, 2018. 72 p. – URL: <http://www.eib.org/attachments/general/reports/st2017en.pdf> (accessed – 29.12.2018).
18. External Trade in Services of the Russian Federation by Main Partner States, The Bank of Russia, 2018. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (accessed – 09.12.2018).
19. Financing Asia’s Future. 2017 AIIB Annual Report and Financials. Beijing, AIIB, 2018. 97 p.
20. Gaidar Ye.T. (2002). A Political Decision. *Comparative Economic Studies*. Vol. 44, No. 4 (Winter), pp. 31–35. – URL: <https://www.iep.ru/en/publications/publication/2141.html> (accessed – 12.12.2018).
21. Gereffi G. (2001). Shifting Governance Structures in Global Commodity Chains, With Special Reference to the Internet. *American Behavioral Scientist*. June 2001. Vol. 44, No. 10, pp. 1616-1637.
22. Gokhberg L.M. (2003). The National Innovation System of Russia under “New Economy” Conditions. *Voprosy Ekonomiki*. No.3, pp. 26-44.
23. Gurova I.P., Efremova M. (2010). The Potential of Regional Trade of the CIS. *Voprosy Ekonomiki*. No.7, pp. 108-122.
24. Havrylyshyn O., Al-Atrash H. (1998). Opening up and Geographic Diversification of Trade in Transition Economies. IMF Working Paper No.98/22. Washington, D.C.: International Monetary Fund. 27 p.
25. Humphrey J., Schmitz H. (2000). Governance and Upgrading: Linking Industrial Cluster and Global Value Chain Research. IDS Working Paper №120,– 37 p.
26. Humphrey J., Schmitz H. (2002). How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? *Regional Studies*. Vol. 36, No.9, February 2002, pp. 1017-1027.
27. Industrial Policy in the Eurasian Economic Union: Three Years of Integration. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 2018. 119 p.
28. Islamic Development Bank. Together We Build a Better Future. Digest an Essential Guide to the 2017 Annual Report. Jeddah, IDB, 2018. 16 p.
29. Kaplinsky R. (2004). Spreading the Gains from Globalization: What Can Be Learned from Value-Chain Analysis? *Problems of Economic Transition*. Vol. 47, No. 2, pp. 74-115.
30. Kapustin A.Ya. (2014). The Treaty on the Eurasian Economic Union – a New Page of the Legislative Development of the Eurasian Integration. *Zhurnal rossiyskogo prava*. No.12, pp. 98-107.
31. Kazakhstan. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/59608/kaz-2017.pdf> (accessed – 28.12.2018).
32. Kirt R. (1998). The Onset of a New Era at the End of Century. Small States in the Epoch of Globalisation. *Internationale Politik*, translated from French. No. 5, pp. 37-43.

33. Knobel A.Yu. (2015). The Eurasian Economic Union: Development Perspectives and Possible Impediments. *Voprosy Ekonomiki*. No.3, pp. 87-108.
34. Krugman P.R. (1979). Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade. *Journal of International Economics*. November 1979. Vol. 9, Issue 4, pp. 469-479.
35. Krugman P.R. (1981). Intraindustry Specialization and the Gains from Trade. October 1981. Vol. 89, No. 5, pp. 959-873.
36. Kuzmina E.M. (2017). Economic Development of the EAEU Countries and Perspectives of Economic Integration by 2025. An Analytical Memorandum. the Russian International Affairs Council. Moscow: RIAC, June 2017. 23 p.
37. Kyrgyz Republic. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Manila, ADB, 2018. 4 p. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/59620/kgz-2017.pdf> (accessed – 28.12.2018).
38. Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2015). New Industrialisation as a Precondition for Sustainable Economic Growth of the EAEU Countries. *Mir peremen*. No.3, pp. 149-161.
39. Lisovolik Ya.D., Vinokurov Ye.Yu. “A Mega-Deal” of the European and Eurasian Unions. *Kursiv.kz*, 29.03.2016. – URL: <https://old.kursiv.kz/news/mirovaa-ekonomika/mega-sdelka-evropejskogo-i-evrazijskogo-souzov/> (accessed – 04.12.2018).
40. Migration and Remittances Data, The World Bank, 2018. – URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (accessed – 10.11.2018).
41. National Economic Security of Russia under Aggravated Objective and Initiated Risks and Threats / The Coll. of Authors: E.B. Lenchuk, G.A. Vlaskin, V.A. Tsvetkov, E.L. Loginov, A.A. Yuryeva, et al. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 752 p.
42. Odling-Smee J.C., Wolf A. (1994). Financial Relations Among Countries of the Former Soviet Union. IMF Economic Reviews. Vol. 1. Washington, D.C.: International Monetary Fund. 54 p.
43. Olcott M.B., Åslund A., Garnett Sh.W. (1999). Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 268 p.
44. Pilipenko I.V. (2001). Small Countries of the Western Europe: Peculiarities of Development and their Place in the International Division of Labour. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. May-June, No.3, pp. 29-41.
45. Pilipenko I.V. (2002). Problems of the Economic Typology of Small Countries in the World. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya 5. Geografiya*. July-August, No.4, pp. 33-38.
46. Pilipenko I.V. (2003). A New Geo-economic Model of National Development: Raising Competitiveness by Developing Clusters and Industrial Districts. *Bezopasnost Evrazii*. July-September, No.3, pp. 580-604.
47. Pilipenko I.V. (2005). The Competitiveness of Nations and Regions in the World Economy: Theory, the Experience of Small Nations of Western and Northern Europe. Moscow-Smolensk: Oecumene, 496 p.
48. Pilipenko I.V. (2005). The Regional Model of Geo-economic Strategy of Raising Russia's Competitiveness: Prospects for Development of Regional Innovation Systems in Tomsk and Novosibirsk Regions. *Bezopasnost Evrazii*. April-June, No.2, pp. 418-429.
49. Pilipenko I.V. (2018). The Comparative Analysis of Social-Economic and Institutional Development of Member States of the Eurasian Economic Union. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. No.11. Vol.4 (83), pp. 43-76.
50. Pilipenko I.V. (2018). The Dynamics of Economic Development and the Evolution of Main Foreign Trade Directions of Post-Soviet Republics. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. No.12. Vol.9(94), pp. 12-38.
51. Pischik V.Ya., Zvonova E.A. (2014). Institutional Aspects of Regulation of Foreign Exchange and Financial Relations in the Eurasian Economic Union. *Vestnik Finansovogo Universiteta*. No.6, pp. 92-100.
52. Pokidaev D. “One Road” of the Kazakhstani Oil – to China. *Kursiv.kz*, the Republican Business Weekly Journal. 14.09.2018. – URL: <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2018-09/odin-put-kazahstanskoy-nefti-v-kitay> (accessed – 04.12.2018).
53. Putin V.V. (2011) A New Integration Project for Eurasia – the Future that is Born Today. *Izvestiya*, 03.10.2011. – URL: <https://iz.ru/news/502761> (accessed – 02.11.2018).
54. Reinert E. (2008). How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor. Constable&Robinson, London. 400 p.
55. Shumilov V.M., Boklan D.S., Lifshits I.M. (2015). Legal Novels of the Treaty on the Eurasian

- Economic Union // *Rossiskiy vneshne-ekonomichesky vestnik*. No.4, pp. 88-100.
56. Skriba A.S. (2016). Aligning the EAEU and the Silk Road Economic Belt: the Interests of Participants and Challenges for its Realisation. *International Organisations Research Journal*. Vol.11. No.3, pp. 67-81.
57. The Direction of Trade Statistics (IMF), Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2018. – URL: <http://data.imf.org/?sk=9D-6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (accessed – 05.12.2018).
58. The Eurasian Development Bank. Annual Report 2017. Almaty, EADB, 2018. 100 p.
59. The Eurasian Economic Union. / Edited by Ye.Yu. Vinokurov. / Ye.Yu. Vinokurov, D.A. Korshunov, V.S. Pereboyev, T.V. Tsukarev. Saint Petersburg: Centre of Integration Studies of the EDB, 2017. 296 p.
60. The Eurasian Fund for Stabilization and Development. Projects. EFSD, 2018. – URL: <https://efsd.eabr.org/projects/> (accessed – 29.12.2018).
61. The External Economic Dimension of the New Industrialisation of Russia / Edited by E.B. Lenchuk. Saint Petersburg: Publishing House Al'teya, 2015. 285 p.
62. The Functioning of Internal Markets of the Eurasian Economic Union. The Portal of Common Information Resources and Open Data of the Eurasian Economic Commission, December 2018. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx> (accessed – 28.12.2018)
63. The Innovation Development of Russia: Problems and Solutions / The Coll. of Authors: Abdikeev N.M., Bobylev G.V., Bogachev D.Yu., Bogachev Yu.S., Bunatyan G.Z. et al. / Edited by M.A. Eskindarov, S.N. Silvestrov. Moscow: The Financial University, 2014. 2-nd Edition. 1376 p.
64. The Integration of Integrations. The Eurasian Economic Union and the European Union: Possibilities for Cooperation (Materials of the Scientific-Methodical of the Analytical Directorate of the Apparatus of the Federation Council. *The Analytical Bulletin*. №37(590) / Edited by V.D. Krivov. Moscow: The Federation Council, 2015. 71 p.
65. The Kyrgyz Republic: Two Years in the Eurasian Economic Union. The First Results. An Analytical Report. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 2018. 112 p.
66. The Monitoring of Mutual Investments in the CIS Countries. / The Coll. Of Authors: A.V. Kuznetsov, K.A. Gemuyeva, Yu.D. Kvashnin, A.A. Nevskaya, A.A. Makarova, A.S. Chetverikova, T.V. Tsukarev. Saint Petersburg: Centre of Integration Studies of the EDB, 2017. 60 p.
67. The People's Economy of the USSR in 1990: the Statistical Yearbook. The State Statistics Committee of the USSR. Finance and Statistics, Moscow, 1991. 752 p.
68. The Report “On the State of Development of Mutual Trade between Member States of the Eurasian Economic Union in 2017. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 2018. 90 p.
69. The Report “On the State of Realisation of Main Directions of Economic Development of the EAEU in 2015-2016 Including the Results of the Economic Development of the Integration in 2010-2014. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 2018. 178 p.
70. The Report on the Realisation of Main Integration Directions with the Eurasian Economic Union. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 2018. 154 p.
71. The Republic of Armenia: Two Years in the Eurasian Economic Union. The First Results. An Analytical Report. Moscow: The Eurasian Economic Commission, 2018. 54 p.
72. The Strategy of the Eurasian Development Bank from 2018 to 2022. Almaty: EDB, 2017. 56 p.
73. “The White Paper”. Barriers, Derogations and Restrictions in the Eurasian Economic Union. Moscow, the Eurasian Economic Commission, 2017. 38 p.
74. Timofeev O.A. (2015). The Russian-Chinese and Multilateral Integration Projects and their Influence on the Development of the Far East. *China in the World and Regional Politics. History and Nowadays*. No.20, pp. 229–241.
75. Trunina E.V. (2015). To the Issue of Regulatory Impact Assessment of Decisions of the Eurasian Economic Commission on Supranational and National Levels. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. No.12 (91), pp. 12–14.
76. Vardomskiy L.B., Pylin A.G. (2014). The Structural-Economic Changes in the CIS States in 1991-2012: Trends and Perspectives. *Rossiya i sovremennyy mir*. No.1 (82), pp. 102-115.
77. Vinokurov Ye.Yu., Tsukarev T.V. (2015). The Economy of the EAEU: Agenda. *Eurasian Economic Integration*. No.4, pp. 7-21.
78. Ziyadullaev N. S. (2015). National Priorities and Perspectives of the Eurasian Economic Union under Integration and Global Instability Conditions. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost*. Vol.11. No.15(300), pp. 2-19.

Десять крупнейших импортеров и экспортеров продукции
в государства-члены ЕАЭС, 2001 и 2017 гг.

Показатели	Экспорт				Импорт			
	2001		2017		2001		2017	
<i>Армения</i>	Россия	17,2	Россия	25,2	Россия	19,8	Россия	29,9
	США	15,3	Болгария	13,1	Великобритания	10,9	Китай	12,0
	Бельгия	13,8	Швейцария	11,5	США	10,0	Турция	5,7
	Израиль	9,9	Грузия	6,8	Иран	8,7	Иран	4,5
	Иран	9,4	Германия	5,9	ОАЭ	5,3	Германия	4,2
	Швейцария	6,9	Китай	5,5	Бельгия	5,0	Италия	3,2
	Великобритания	6,0	Ирак	5,5	Германия	3,8	Украина	3,0
	Грузия	3,5	ОАЭ	4,3	Турция	3,5	США	2,9
	Германия	3,3	Нидерланды	4,1	Италия	3,4	Швейцария	2,4
	Украина	3,2	Иран	3,9	Швейцария	3,4	Грузия	2,2
Топ-10 стран	88,5	Топ-10 стран	85,8	Топ-10 стран	73,8	Топ-10 стран	70,0	
<i>Белоруссия</i>	Россия	53,2	Россия	43,9	Россия	65,6	Россия	56,6
	Латвия	6,6	Украина	11,5	Германия	7,3	Китай	7,9
	Украина	5,7	Великобритания	8,2	Украина	3,3	Германия	5,0
	Литва	3,7	Нидерланды	3,8	Польша	2,4	Польша	3,9
	Польша	3,3	Германия	3,8	Италия	2,0	Украина	3,5
	Германия	3,2	Польша	3,7	США	1,6	Турция	2,4
	Великобритания	3,0	Литва	2,9	Литва	1,3	Италия	2,0
	Китай	1,9	Казахстан	2,0	Франция	1,1	США	1,1
	Нидерланды	1,7	Бразилия	1,5	Нидерланды	1,0	Литва	0,9
	Эстония	1,7	Китай	1,2	Великобритания	0,7	Нидерланды	0,9
	Топ-10 стран	84,0	Топ-10 стран	82,5	Топ-10 стран	86,3	Топ-10 стран	87,0
<i>Казахстан</i>	Россия	20,4	Италия	17,9	Россия	43,8	Россия	39,1
	Бермудские О-ва	14,4	Китай	12,0	Германия	7,7	Китай	16,0
	Италия	11,3	Нидерланды	9,8	США	5,5	Германия	5,1
	Китай	7,6	Россия	9,3	Италия	4,3	США	4,3
	Украина	5,8	Швейцария	6,4	Великобритания	4,0	Италия	3,2
	Германия	5,8	Франция	5,9	Китай	2,7	Узбекистан	2,5
	Брит. Виргин. О-ва	5,2	Испания	3,0	Украина	2,5	Турция	2,5
	Швейцария	4,5	Узбекистан	2,6	Франция	2,3	Респ. Корея	1,9
	ОАЭ	3,9	Турция	2,4	Япония	2,3	Франция	1,8
	Великобритания	3,2	Украина	2,4	Турция	2,2	Белоруссия	1,7
	Топ-10 стран	82,1	Топ-10 стран	71,7	Топ-10 стран	77,3	Топ-10 стран	78,1
<i>Киргизия</i>	Швейцария	26,1	Швейцария	27,3	Россия	18,2	Китай	33,5
	Германия	19,8	Казахстан	16,6	Казахстан	17,5	Россия	26,3
	Россия	13,5	Россия	14,6	Узбекистан	14,3	Казахстан	13,1
	Узбекистан	10,1	Великобритания	10,7	Китай	10,4	Турция	5,0
	Казахстан	8,2	Узбекистан	8,2	США	5,7	Узбекистан	3,7

Продолжение приложения 1

	Китай	4,1	Турция	7,3	Германия	5,2	США	3,5
	Великобритания	3,0	Китай	5,4	Турция	3,4	Белоруссия	1,9
	Турция	2,9	ОАЭ	1,8	Канада	2,3	Германия	1,5
	Иран	1,7	Таджикистан	1,4	Туркменистан	1,9	Респ. Корея	1,0
	США	1,5	Бельгия	1,2	Бельгия	1,8	Украина	0,9
	Топ-10 стран	90,9	Топ-10 стран	94,5	Топ-10 стран	80,7	Топ-10 стран	90,4
Россия								
	Германия	9,2	Китай	10,4	Германия	13,9	Китай	21,2
	Италия	7,4	Нидерланды	9,6	Белоруссия	9,4	Германия	10,0
	Китай	5,6	Белоруссия	4,3	Украина	9,2	США	5,5
	Белоруссия	5,3	Германия	4,3	США	7,8	Белоруссия	4,7
	Украина	5,3	Турция	3,6	Казахстан	4,8	Италия	4,3
	Нидерланды	4,7	Респ. Корея	3,4	Италия	4,1	Франция	4,0
	Великобритания	4,3	Казахстан	3,3	Китай	3,9	Япония	3,4
	Польша	4,2	Польша	2,9	Франция	3,7	Респ. Корея	3,0
	США	4,2	Япония	2,9	Финляндия	3,1	Украина	2,2
	Турция	3,3	США	2,8	Великобритания	2,4	Польша	2,0
	Топ-10 стран	44,3	Топ-10 стран	37,1	Топ-10 стран	62,3	Топ-10 стран	60,3

Источник: составлено автором по: International Trade Centre, 2018. – URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c000%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения – 05.12.2018).